

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Ринат Валиуллин

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ринат Рифович Валиуллин

Пятое время года. Избранное

Текст предоставлен правообладателем

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17188385
Валиуллин Р. Р. Пятое время года : Избранное.: Антология; СПб; 2015
ISBN 978-5-94962-270-4*

Аннотация

Издание содержит три романа: «Кулинарная книга», «Где валяются поцелуи», «В каждом молчании своя истерика». В них автор попытался расширить идею весны, показав, что она заключается не только в марте, апреле, мае, но гораздо больше в тех, кто нас окружает, кто нас обнимает, целует и насколько вкусны эти поцелуи.

В оформлении издания использована графика и картина Рината Валиуллина «Пятое время года»

Содержание

Кулинарная книга	5
Часть I	5
Чебуреки	6
Голубцы	8
Персиковый джем	11
Гриль	14
Торт Захер	15
Отбивные	16
Блины	17
Горячий шоколад	18
Рагу из овощей	19
Фаршированный перец	20
Оливье	21
Оладьи из кабачков	22
Кофе	24
Салат «Цезарь»	25
Драники	26
Судак по-польски	28
Утка с яблоками	30
Марципан	31
Аджика	34
Часть II	40
Я	41
Вероника	41
Клим	42
Майя	46
Лера	48
В	50
Алиса	51
М	53
Кэт	53
А	54
М	55
К	56
М	58
К	60
А	61
М	62
К	63
Где валяются поцелуи	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ринат Валиуллин

Пятое время года. Избранное

© Валиуллин Р. Р., 2015

© ООО «Антология», 2015

«—Я тебя люблю! — крикнул он. Весть быстро распространилась по всему её телу, и к тому времени как она достигла самых заповедных уголков организма, там уже наступила весна: побежали ручьи желаний, вылупились зелёные листочки надежд, брызнуло эндорфи- нами солнце чувств, а птицы залились симфонией страсти. Много ли надо женщине, чтобы внутри у неё наступила весна? Много, целых три слова: в нужное время, от нужного человека».

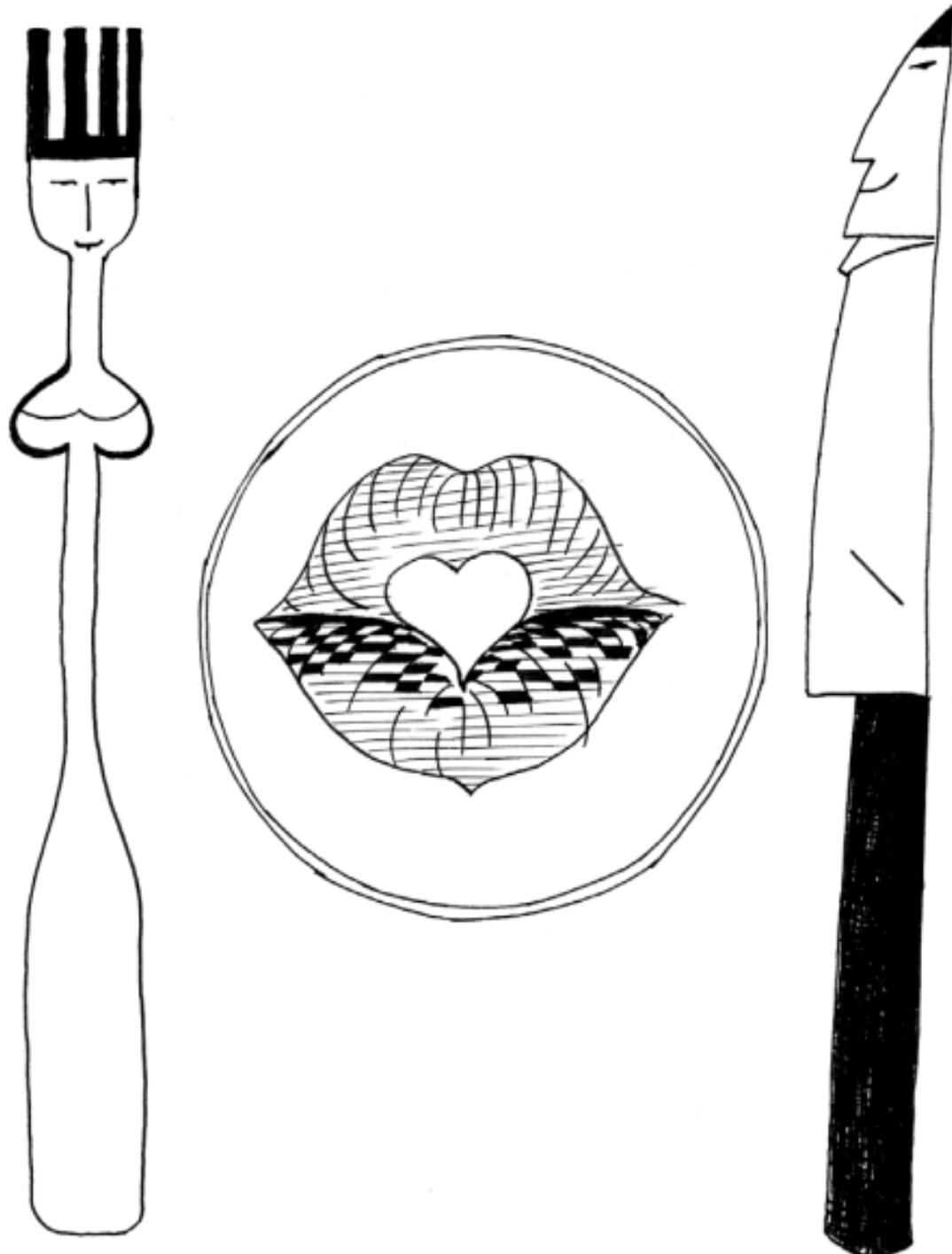
Своей трилогией («Кулинарная книга», «Где валяются поцелуи», «В каждом молчании своя истерика») я постарался передать чувство весны, показать что любовь выражается не только нежностью взгляда и жаром страсти, но что она может ещё и царапать ревностью, звенеть ледяным молчание и рассыпаться стеклянными истериками.

Романы объединены одной общей идеей, которая красной нитью проходит через них, – лучше искать своего человека, чем бояться потерять чужого.

Кулинарная книга

Часть I

Я хотела бы повеситься на твоей шее

Чебуреки

– Зачем ты меня целуешь, если не хочешь?
– А если хочу?
– Тогда можно без поцелуев.

Красивая голая спина белела статуей на фоне жёлтых обоев, женщина мыла посуду. Заниматься любовью не хотелось. Поцеловав её сзади в шею напоследок, я сел за стол и принялся наблюдать, как она работает.

Жена. «Неужели она создана только для этого?» – холодно подумал я, может от того, что ноги мои подмёрзли, а тапочки я так и не нашёл. Сидел за столом в одних шортах, в руках кусок сыра. В задумчивости крошил его на пол. Тапочки не выходили, но вышли тараньи мыслей, однако писать было не на чем, на глаза попалась толстая тетрадь с рецептами блюд, я её распахнул, и первое, на что наткнулся, была надпись «Чебуреки». Через минуту я узнал, что нужно для их приготовления: кефир, мука, масло, сода, соль и фарш. Перевернул тетрадь, чтобы начать писать с другой стороны, с чистой страницы. Если бы жизнь так же перевернуть и начать с чистого листа, пока ты ещё не стал чебуреком. А может быть, уже стал? Я снова посмотрел на чудную белую спинку, на которой женился и которая уже выключила воду и повернулась:

– Ты опять накрошил.
– У тебя красивая спина, – сделал я ход конём.
– Сыр на полу, а я мыла утром.
– Извини, пытался выманить тапочки.
– Они в коридоре, – не смягчилась от шутки жена.
– Значит, сыр был напрасным.

Жена вздохнула мокрыми руками о полотенце:

– Чай пить будешь?
– Когда я от чая отказывался? – поднял с пола крошки, снова собираясь стать хорошим, неизвестно зачем. Там, где меня и так любили, просто за то что я есть. – Может, чебуреки вечером сделаем? – выронил я ненароком.
– А ты мясо купил?
– Могу предложить своё, – напряг бицепс.

Я представил, как часть за частью закладываю в мясорубку беспокойные фрагменты своего тела. Жуть. Чем-то похоже на любовь, наекс.

– Не пойдёт, будет горчить от негодования, – заварила чай супруга. Я продолжил читать рецепт. «Потом смешиваем муку, соль и кефир, месим до получения однородной массы и даём отстояться. Далее надо разрезать тесто на равные части, размером с крупное куриное яйцо, и раскатать их на лепёшки». Вот и в жизни, когда ты доходишь до состояния однородной массы и уже не можешь себе позволить... Позволить мечтать, гониши эту мечту, как шлюху: «Пошла на х... отсюда, от тебя одни неприятности и убытки», понимая, что ты – катыш теста, ты начинаешь разрываться на куски, разбиваться в лепёшку, лишь бы выбраться из этой неизбежности. Но поздно, потому что вместо тела уже фарш. То, что мы обычно называем плотью, которая уже крученая-перекрученая, с луком и стрелами, со специями и солью, лежит на диване и смотрит телик. Фарш любит диваны.

Далее следовало выложить фарш на одной половине раскатанного теста и накрыть другой. Потом края слепляются, и можно отправлять полуфабрикат в кипящее масло. Через пять минут его надо перевернуть, ещё через пять чебурек готов.

Я вспомнил свой последний отпуск на берег моря. Нигде так не отпускает, как в отпуске, это как отпуск грехов. Нигде больше не хочется так грешить, как на отдыхе. Каж-

дый полуфабрикат раз в год обязан съездить куда-нибудь далеко, чтобы полежать на горящей сковородке пляжа пять дней на спине, пять – на животе и поджариться как следует, приобрести цвет побед. Через десять дней чебурек готов.

Удивляясь такому случайному совпадению и своему близкому родству с чебуреком, я инстинктивно крутил в руках кусок сыра, пока наконец не засунул два пальца в его жёлтые дырки, как штепсель в розетку. Ничто так не привлекает мужчину, как отверстия, возможно оттого, что когда-то он с трудом выбрался из одного из них, чтобы потом всю жизнь посвятить возвращению. Домой, в норку, к кормушке, где тепло, где ждут, где ласкают.

– Ты что делаешь? – воскликнула с тревогой жена. – Он же задохнётся.

Я достал пальцы и понюхал.

– По-моему, у него гайморит.

– Вскрытие покажет, – хладнокровно взяла сыр из моих рук жена и разрезала на тонкие дырявые пластиры. Потом приkleила один из них к хлебу с маслом и протянула мне. Я откусил, всё ещё мечтая о чебуреках. Трудно есть бутерброд с сыром, когда думаешь о чебуреках.

– Ещё? – она уже стелила масло на другой.

– Что-то не хочется, – откусил я и положил на тарелку. – Может сделаешь сегодня чебуреки? Мясо я куплю.

– У меня цыплёнок размораживается, – кивнула она на тарелку у раковины.

– Они начали убивать птенцов, эти птицефабриканты. А из него не получится? – кивнул я на дичь.

– Ты мне предлагаешь его откормить?

– Ладно, курица так курица. Хотя две курицы на одной кухне – это уже перебор.

– Что ты сказал?

– Девушка, вы прекрасны, – положил я руку на её бедро.

– Вас это не касается, – легонько хлопнула Фортuna своей ладонью мою.

– Мяса, говорю, хочется, хочется мяса! Какой сегодня день недели? Пятница? Как быстро летит время, недавно только был понедельник, а завтра уже суббота. Я совсем не чувствую жизни, она просачивается сквозь пальцы где-то между кухней и спальней, работой и телевизором.

– Ты слишком много смотришь в экран, больше чем на меня, – подлила себе чаю жена.

– Глаза всё время ищут новостей, а ты неизменна. Даже не стареешь, – уставился я на неё.

– Это уже похоже на комплимент, – улыбнулась Фортuna первый раз за утро.

Жену звали Фортуной. Жениться на ней можно было только за одно это имя, если тебе не фартило всю предыдущую жизнь.

– Как долго ты сможешь на меня смотреть?

– Пока не отвернёшься.

– Я так и знала, что тебя привлекают совсем не глаза.

– Даже красивые глаза надо дозировать, – бросил я, покидая стол в надежде найти тапочки в коридоре. – Вот зараза!

– Что ещё?

– Твои туфли залезли на мои тапочки и уже размножаются! Ты посмотри, какие плодовитые. Откуда у нас столько обуви? – швырнул я ей из коридора, разглядывая незнакомую обувь.

– К нам же гости приехали, ешё в среду.

– Родственники?

– Не совсем.

– А я их знаю?

– Нет, даже я их видела всего один раз. Звонила тётушка Сара, это её сын с женой, просила принять на несколько дней.

– Мало нам своих детей, – пробурчал я себе в нос. – Они здесь уже живут, а я даже ни ухом, ни рылом. Вот так черте с кем жизнь и проходит.

– Ты же в Москве в это время был.

– Они к нам надолго?

– Не знаю, спрашивать как-то неудобно. Спят ещё, так что ты потише выступай.

– А что я такого сказал? Только то, что родственники меня уже достали, так они же нам ещё и не родственники, вообще непонятно что.

В этот момент заплакал телефон. Трубка лежала на кухне, и подошла жена. Судя по её удивлённым репликам, случилось нечто невероятное.

– Неужели апокалипсис? – вошёл я уже в тапочках.

– Хуже. Бред какой-то! Звонили из полиции, сказали, что сын наш пнул полицейского при исполнении, и нужно немедленно ехать за ним в участок.

– Растёт сынок.

– Растёт как сорняк. Это всё твоё воспитание. Точнее, его отсутствие.

– Где он нашёл полицейского в такую рань? И главное – за что? В десять лет я не был таким кровожадным. Наверное, очередная дурацкая игра с желаниями. Кто пнёт полицейского или кто ущипнёт учительницу.

– Нет, он перебегал дорогу в неподожденном месте. Тот остановил его и начал читать мораль, а наш попытался улизнуть.

– Значит, ничего личного. Съездишь, они женщин больше любят.

– Чужих женщин всегда любят больше.

Жена довольно быстро оделась, я с ней потанцевал немного в коридоре, прощаясь, и добавил нежно:

– Мусор выкинь заодно.

Она любила прощаться губами. Не поцелуешь человека перед выходом, потом он целый день будет искать настроение. Так и стояла с мусорным пакетом в одной руке, с сумочкой в другой, а я её целовал. Жуткое зрелище. И тут ещё зашевелились гости. Дверь их комнаты смотрела в упор на входную. Она тихо отворилась, и из неё вывалился мужчина, поморщился как-то снисходительно, а может, он так улыбался с утра. Зачем улыбаться, если не умеешь. За ним женщина вздохнула чем-то несвежим: «Здрасьте». Мы в обнимку с мусором молча наблюдали, как два халата прошелестели в ванную.

– Что-то они совсем на детей не похожи, – сказал я на ухо жене.

– Так тёте Саре уже семьдесят, это же её дети.

– Чужие дети не только быстро растут, но и быстро стареют, – снова подумал я о чебуреках.

– Ну, пока, не шали там, в участке, – подбодрил я Фортуну, чтобы она не была так грустна. Нет ничего ужасней грустной фортуны.

Пошёл на кухню, где обнаружил на столе распахнутой кулинарную книгу, в которую я хотел что-то записать, но так и не успел.

Голубцы

Скоро показались гости. Опухшие от поцелуев ночи, стеснительные и тёплые.

– Макс, – протянул я руку мужчине.

– Альберт.

– Белла, – поправляя невоспитанную чёлку, застряла на букве «л» его жена.

– Чай пьёте чёрный или зелёный? Или кофе?

– Нам всё равно, но лучше чёрный, – усаживался за круглый стол Альберт, Белла положила свои гладкие бёдра с ним рядом.

– Ну, как вам город? Куда сходили? – засил я кипятком чайник.

– Вчера в Эрмитаже были, устали от такого нашествия искусства, – внимательно изучал сахарницу, стоящую на столе, Альберт.

– Его надо принимать дозировано, по чайной ложке, – застелил я скатерть белыми чашками.

– Похоже, у нас уже передозировка, – взяв сахарницу в руки, рассуждал гость.

– Это бывает, надо сделать паузу, – лил я воду в прямом и переносном смысле, наполняя посуду. Чай слишком слабый напиток, чтобы найти общий язык с незнакомыми людьми.

– У нас очень мало времени, чтобы делать паузы, через три дня уезжаем. На сегодня запланирована Кунсткамера, – Альберт зачерпнул ложкой сахар. – Не подскажите, как нам до неё добраться?

– Конечно, подскажу. У вас есть карта города? – посмотрел я на едва прикрытую грудь его жены и представил, что карта начертана именно там, и сейчас на ней мы будем кропотливо искать нужную точку, пункт назначения, проходя мимо куполов Исаакиевского и Казанского соборов.

– Да, мы купили, – насладившись, оставил сахарницу в покое Альберт и посмотрел на жену.

«Насладившись, мы вновь возвращаемся к жёнам, как это по-семейному», – подумал я про себя.

– А чем вы занимаетесь в жизни? – сложил я воображаемую карту и посмотрел в глаза Белле. Утро уходило с её лица, и она начала расцветать, как майская роза в вазе своего очарования.

– Она ставит опыты на мышах, – забыв про сахар, опередил Беллу её муж.

– Опыты? Интересно. А что за опыты? – откусил я бутерброд с ветчиной.

– Я изучаю развитие цирроза в клетках печени мышей. Поскольку печень наша и мышиная имеют одинаковое строение, – откусила маленький глоток чая Белла и осторожно вернула чашку на стол.

Я сразу подумал о своей печени, – она, услышав о циррозе, проснулась и забеспокоилась под ребрами.

– Вы их спаиваете, а потом изучаете? – отложил я бутерброд.

– Обеспечивать их алкоголем слишком долго и дорого, – посмотрела на мужа Белла. – Мы им вводим специальные препараты, ускоряющие процесс, – нашла она на столе руку мужа и присвоила.

– Обеспечивать… то есть оставлять без печени. Значит, вы не боитесь мышей? – повторно заправил я всем чашки чаем.

– Меньше, чем компьютерных, – снова посмотрела она на своего мужа, который улыбнулся и задвигался. Видимо, слаб он был не только на вино, но и на виртуальную связь.

Алкоголь и Интернет, вроде ничего общего, но одинаково паразитируют на желании общаться.

– Ну да, с ними не совладать даже циррозу, – вонзил я нож в свежий хрустящий багет. Крошки хлеба, словно опилки, разлетались по столу. – Кстати, вы их не используете в качестве подопытных? – представил я связку компьютерных мышей в клетке, заражённых какой-нибудь инфекцией.

– Мы с компьютерными вирусами не работаем, но я подумаю над вашим предложением, у каждой сумасшедшей мысли есть право на гениальность, – сделала она глоток и зажмурила глаза, не то от мужа, не то от кипятка.

— Вы футбол смотрите? — неожиданно сделал подножку нашему диалогу Альберт, обращаясь ко мне.

— Футбол? Конечно, — встал я и отряхнулся.

— Не знаете, как вчера сыграла наша сборная? — попросил он прощения.

— Сейчас узнаем, — громко кашлянул, прикрыв рот ладонью. Тут же мне ответил кашель из-за стены. Потом ещё один. — Слышали? — посмотрел я на Альберта, который положил в рот, как в мышеловку, кусок сыра.

— Что именно? — начал он жевать.

— Счёт, наши проиграли, кашель слышали? Резкий такой, будто с матом, — снова кашлянул я в благодарность соседу.

— По-моему, 2: 0, — рассмеялась крупным жемчугом Белла.

— Ночью я слышал мужской недовольный кашель и женский тихий, словно болит голова, — встал я из-за стола, чтобы посмотреть в окно: почему же симпатичная жена друга или знакомого вызывает такое желание? Что это? Соревновательный дух, или просто ты ей больше доверяешь, чем незнакомке? А если она в данный момент испытывает те же чувства, то я мог бы сейчас предложить Альберту: «Может, ты прогуляешься один по этому прекрасному городу, пока я — по телу твоей супруги?»

— Надо кашлять скромнее, Альберт, — снова засмеялась Белла, и её грудь ещё больше обнажилась, увидел я в прозрачное отражение окна.

В этот момент сосед раскашлялся не на шутку.

— Что теперь? — застыл с ложкой в руке Альберт.

— Он прокашлялся, что вчера переспал с моей женой и ему понравилось, — развернулся я к парочке, облокотившись на подоконник.

— И вы так спокойно об этом говорите? — опешила Белла.

— Я уже привык, — снова я качался на волнах её синих зрачков.

— Чёрт, ну и семейка! Мама мне говорила, что вы со странностями, но я не предполагал, что... — начал рисовать что-то невнятное ложкой на скатерти Альберт, так и не закончив фразу. Будто он решил её дописать.

— Некоторые отношения строятся на скандалах, некоторые разрушаются от идиллии. У вас какой вариант? — выкинуло меня очередной волной на берег её декольте.

Супруги взглянули друг на друга недоверчиво, как будто им только что по громкой связи озвучили то, о чём они подумали.

— Даже не знаю, но с соседями мы точно не спим, — выронил из рук ложку Альберт.

— Зато слишком много кашляете, — рассмеялся я, а вслед за мной и Белла. Последним был Альберт. До него доходило медленно: он сидел дальше всех.

— То, что хозяин встал, не значит ли, что гостям пора уходить? — поправила блузку Белла.

— Не значит, хотя мне уже скоро на работу. Но у вас же есть ключи? — оторвался я от «окна», которое только что прикрыла Белла. Она поставила на стол пустую чашку, словно точку в моём непристойном предложении.

— Да, мы закроем сами, нам Фортuna всё объяснила. — Альберт сооружал себе ещё один бутерброд. Чем больше нравится женщина, тем сильнее неприязнь к её спутнику. Желание отобрать, присвоить, хотя бы на время, велико, и надо уметь его гасить. Я умел.

— Ну, тогда я пойду, привет сокамерникам и всем тем, кто в пробирках, — оставил без внимания, без прощального взгляда замужнюю женщину, чтобы показаться как можно более независимым.

Персиковый джем

Голая жена сидела на кухне с сочным персиком в руке, сок стекал по её багровым губам, по длинной шее, к высокой груди, пощипывая весной на сосках, а сытость не приходила. На полу валялись большие косточки. Другой рукой Фортуна брала их, шершавые и скользкие, они всё время норовили ускользнуть. Она нажимала, те вылетали из пальцев, снарядами пытаясь пробить пуленепробиваемое стекло одиночества.

– Что тытворишь, Фортуна? – опешил я от такой панорамы.

– Плевать. Просто захотелось плевать косточками. Иногда так хочется делать что-нибудь нелогичное, нелепое, чтобы выбраться из дома, из дома быта. Есть шанс, что кто-то вспомнит о твоём существовании.

– Я же тебя люблю, – подошёл и обнял её голову, волосы пахли фруктами. Поцеловал их.

– Мне твоя любовь даром не нужна.

– А за деньги?

– Я подумаю, но прежде ответь мне. Почему ты так часто говоришь «я тебя люблю»?

– Потому что мне больше нечего сказать.

«Вот не хочешь, а целуешь, не любишь сейчас, в данную минуту, а признаёшься в любви, и никакой совести не просыпается. Просто говоришь то, что человек хочет от тебя услышать, или тебе кажется, что он хочет это услышать. Возможно, и она меня не любит, но тоже целует. Жизнь проходит, пока мы целуем не тех», – в задумчивости откусил я сладкий персик, глубоко войдя в его плоть, откуда на меня, из самого сердца, изогнулся бледно-белый червяк. «Действительно, – подумал я, глядя на него, – может, то, что мы называем любовью, – есть её отсутствие, её след».

Скоро в руке у меня осталась только косточка, рельефная и волосатая, я нажал на курок, пулья попала коту в голову. «Контрольный», – подумал про себя. Он зверски мяукнул и убежжал.

– Макс, не будь идиотом.

– А кем я ещё могу быть рядом с такой красотой, – обнял я жену.

– Ты же его без мозгов оставил, – с укоризной прожевала жена. Освободилась из моих объятий и вышла из кухни.

– Чувствуешь во мне великого охотника? Точно в яблочко, – перезарядил я ружьё и стрельнул Фортуне в след.

– Оставить без мозгов того, кого не хочешь, как это по-мужски, – ответила она из прихожей. – А что это ты притащил?

– Это гитара, давно хотел научиться играть.

– Сначала фотоаппарат, потом клавиши, теперь вот гитара – всё это нереализованные в детстве творческие порывы, которые мужчина пытается осуществить на скорую руку. Они же, как и всё, требуют времени, внимания. Ты всё ещё считаешь, что и гитару, и женщину можно приручить за несколько дней?

– Нет, на тебя ушли годы. Потерпи ещё чуть-чуть и счастье нам обеспечено.

– Я столько не вынесу.

– Я тебе помогу, если его будет много.

– Чем ты мне сможешь помочь? Своей музыкой?

– Меня тянет к искусству.

– Да не к искусству, а к профессиональному. Игрушек тебе не хватило в детстве, – громко разливался её журчащий голос по коридору.

– К сожалению, классики уже вычерпали всю возможную гармонию из семи нот. Какой металл после Баха, какая психоделика после Моцарта, какой панк-рок после Грига? Сплошные ремиксы. В этом отношении писателям повезло больше, так как язык постоянно изворачивается, плюётся, формируется, переводит, облизывает, сосёт, цепляет, меняется, как климат, устанавливая погоду или дома, или на службе... или непогоду, – споткнувшись о паузу, задумчиво произнёс я и добавил:

– В отличие от музыки, которую можно просто слушать, язык заставляет нас общаться, всех до единого. И чем больше ты знаешь языков, тем легче найти собеседника.

– Разве важно, на каком языке мы будем общаться, на английском, на китайском, на языке любви, секса. Посредством подарков, жестов или битой посуды... На языке взглядов, ласки, грубости... Главное, чтобы для нас обоих этот язык был родным.

– После твоего, для меня, все языки иностранные.

– Вот и напиши об этом.

– Ты предлагаешь мне литературой заняться? Я думал когда-нибудь стать писателем, – начал собирать косточки с пола.

– Нет, тебе не надо, просто рассуждаю. Чем больше хочешь стать кем-то, тем труднее оставаться собой, – отвечала мне жена уже из глубины спальни.

– А что, написать о себе роман или повесть.

– Думаешь, это будет кому-то интересно, кроме меня?

– Я согласен писать для тебя.

– Это разрушит мои мечты.

– Какие мечты?

– Оставаться неписаной красотой. Если серьёзно, то многое из того, что мы создаём, уже есть, а то, что пытаемся разрушить, – не существует вовсе.

– Ну, а как же смысл жизни? Если он существует.

– Смысл есть только в том, что завтра нас может не быть.

– Вот и я говорю, что надо как следует наследить, раз уж ты здесь, – нашёл я под столом ещё одну косточку. – Откуда так краской несёт? – выкинул косточки в мусор и направился в прихожую, где оставил пакет с продуктами.

– Новый лак испытываю, нравится? – Фортuna вышла из комнаты и протянула мне свою тонкую, но сильную ладонь, выпустив из неё шипы длинных пальцев с красными клавишами ногтей.

– Вот видишь, и тебя тоже к искусству тянет. Женщинам не хватаеткрасок в жизни. Если они не находят художника, который будет их всю жизнь рисовать, то они начинают рисоваться сами, – поцеловал я её руку со средневековым изяществом.

– Вы так любезны, – томно засияла она.

– Но запах меня угнетает, – вложил я ей в руку пакет с продуктами.

– Откуда это повелось, приносить даме вместо цветов продукты? – приняла она мои дары.

– Из магазина. А ты чего такая холодная сегодня? – взял я её за руку.

– Я хотела сегодня приготовить рыбу, открыла морозилку, и вдруг мне показалось, что я и есть та самая рыба, одинокая и холодная. Представляешь, как я достаю сама себя.

– А потом достаёшь меня. В этом ты мастер.

– Ты ничего не понял. Любви мне недостаёт, – забрала Фортuna свою ладонь и направилась на кухню. Я пошёл вслед за ней.

– Любви никогда недостаёт, как бы она уже ни достала. Я имею в виду, почему ты ко мне такая холодная? – пытался найти её глаза, которые бегали от меня по полкам, раскладывая продукты.

Наконец пакет был исчерпан, она бросила его, обессилевшего, на стул, но он настолько обессилел, что не удержался и слетел вниз, тихо и без последствий, как иная пропаща душа. Судьба его предрешена, через несколько дней мы вновь придадим ему форму, наполнив мусором, и выбросим.

— Счастья какого-то не хватает, то ли тебя мало, то ли меня слишком много, не могу понять. Настроение мрачное, даже от погоды не зависит, — остановила она бесконечный бег своих зрачков, глядя на меня.

— Даже когда солнце? — я взял с подоконника старую газету, чтобы завернуть туда свои глаза.

— Прежде нужно, чтобы меня любили, а потом уже солнце и прочие светила, — бросилась она в окно всем своим видом, будто собиралась исчезнуть как вид.

— А моей любви тебе недостаточно?

— Да где она? Меня не покидает ощущение, что ты никого не способен любить как следует.

— А как следует?

— Хотя бы как я тебя.

— Давай чаю выпьем... И всё пройдёт, — скомкал газету и отправил вслед за косточками.

— Думаешь, обычная летняя депрессия? — поставила она на огонь чайник и открыла буфет, чтобы достать чашки.

— Конечно, у меня тоже такое бывает, только по ночам. Лежу рядом с тобой и думаю: зачем живу, зачем лежу, потом обниму тебя, возьму в руки грудь или бедро, и сразу легче становится. Не зря.

— Я понимаю, что женщинам никогда не будет хватать мужчин и наоборот. Даже если у них всё схвачено. Может, поэтому у меня возникает такое впечатление, что ты не со мной, со мной только твоё тело, знакомое, но уже бесстрастное, вялое и ленивое. Мне всё время приходится тебя тормошить на подвиги, — Фортuna вытащила из буфета, помимо чашек, вазу с конфетами и печеньем.

— Женщине мало подвигов, ей нужны преступления.

— Вот именно, а если нет ни тех, ни других?

— Тогда вся надежда на любовь.

— Возможно, любовь и делает людей ограниченными. Сначала они начинают себя ограничивать в друзьях, в общении, во внешнем мире, потом в самом себе. В конце концов — даже в сексе.

— Но ведь оргазмировать всё время невозможно. И это может надоест, — чувствовал я, как кот под столом играется с моей ногой. — И это может войти в привычку.

— Я бы хотела иметь такую.

— Скорее всего, она уже у нас есть. Мы знаем, где скрипнет кровать, как, когда и с кем. Ты знаешь всю мою подноготную, — посмотрел я на свои ногти и заметил под одним какую-то грязь.

— А мне всё чаще кажется, что я совсем тебя не знаю, — насыпала заварки и залила она маленький чайник кипятком.

— Нет, это я себя не знаю, а ты меня знаешь прекрасно, я же как на ладони, — попытался я вытащить грязь другим ногтём.

— Никто не знает тебя настолько, насколько ты сам себя не знаешь. Чем больше я с тобой живу, тем больше мне кажется, что я одинокая лесбиянка, — села за стол Фортuna.

Гриль

Я снова зашёл на кухню, на столе лежала пачка с печеньем, взял, понюхал, сладкий запах ванилина разбил мне нос: «Ну и дрянь, как это можно есть?» – достал я одну и откусил. Включил телик, на экране бились двое. Один в позе миссионера выравнивал лицо того, что был под ним. Оба устали, судья наклонился, потом встал на колено, чтобы лучше разглядеть степень трудоспособности лежащего снизу. Было видно, что рефери бокс заводит, где-то рядом уже маячил оргазм. «Мясо, так мясо», – достал я из холодильника кусок говядины. Налил на сковороду масла и кинул туда филе. Оно пыталось сопротивляться и фыркало, словно женщина, брошенная на койку нелюбимым, но сильным.

Закончился пятый раунд, пошла реклама, и я променял двух в трусах на одного в чёрном фраке за роялем. Он был похож на дрессировщика, который дразнил незнакомого хищника: то совал ему руки в пасть и бился головой от боли, то успевал отдернуть, но лицо его выражало страдания ничуть не меньше, чем у тех боксёров. Он играл Рахманинова, мясо шкворчало, однако не попадало в такт музыке, я убавил огонь и прикрыл сковородку крышкой. В дверь позвонили. Это была жена, она вошла спокойная и рассудительная: «Привет».

– Привет, – принял я у неё пакет с чем-то. – Как дела? – помог ей снять пальто.

– Всё хорошо, устала, как у тебя?

– Извините, номерков больше нету, но я вас запомню! Вас трудно не запомнить, – поцеловал Фортуну в шею. – Пахнешь хорошо, мужчиной, – оторвал я лицо от её груди.

– Ты начал замечать, чем я пахну, – соскоблила с себя туфли Фортuna и подошла к зеркалу.

– С кем ты была, признавайся? Я не шучу, – повесил я пальто и встал между ней и её отражением.

– Ну, хватит, Отелло, – положила она свои руки мне на шею и обняла. – Я страшно голодна.

– Тогда сразу в спальню? – я тоже почувствовал голод.

– В смысле я хочу есть, запах жареного мяса разбил мне сердце во второй раз, – прошла она в ванную.

– А когда был первый?

Шум бегущей воды унёс мой вопрос.

– Что за блюдо ты приготовил? – выключила воду.

– Мясо на двоих, – погасил конфорку.

Через несколько минут, милая и вечерняя, вошла Фортuna. Она сразу засунула нос под крышку и закрыла глаза от радости: «Какое счастье, что я не вегетарианка».

Я достал из холодильника бутылку красного и откупорил.

– А что за праздник сегодня? – подготовила бокалы жена.

– День мяса, – разлил я красную жидкость по формам.

– Заело тебя на этом мясе? Давай что-нибудь поинтереснее.

– День независимости мяса.

– Сегодня, кстати, день рождения одного известного поэта. Знаешь, о ком я? – подняла руку со стеклом Фортuna.

– Догадываюсь. Давай без мёртвых как-нибудь, а то мне кажется, что нас уже здесь трое, – коснулись берега наших бокалов.

– Раньше ты любил его стихи, даже цитировал мне.

– Какой бы крепкой ни была любовь, на троих не сообразить, – наполнил я свой рот вином.

— Я, ты и жареная корова, — предложила альтернативу жена и тоже сделала глоток. — Куда сегодня наши гости ходили? — поставила на стол она свой бокал.

— В Кунсткамере были, сказали, что хотят пораньше лечь спать, — вытянул я ноги под стол и откинулся спиной на кухонный уголок, не выпуская из рук вино.

* * *

— Как они тебе показались? — обняла меня Фортуна. — Что-то они холодно стали со мной общаться. Ей-богу, как полуфабрикаты.

— Гости как гости, уже надоели. Может, это из-за того, что я им сказал, что ты спишь с соседом, — утонул я в шелках её волос.

— Вот идиот. Зачем? Не мог соврать что-нибудь? — положила руку мне на живот жена и улыбнулась.

— Хочу, чтобы быстрее уехали, — разглаживал я её волосы. Как-то неплохо они влияют на наш сексуальный климат, — вспомнил я купола Беллы.

— Значит это у нас акклиматизация, а не у них, — грела своей щекой мою грудь Фортуна.

— Ты знаешь, что Белла мышами занимается? — чувствовал я её горячее дыхание.

— Да, у неё даже с собой есть несколько, — подняла она голову и посмотрела на меня как на кота, который должен их поймать.

— Том, — перевел я радостно стрелки, — тебе Джеррей из Москвы привезли.

Комок шерсти вздрогнул в глубине кресла и подал звук.

— Не рычи, дичь в соседней комнате, и на ней ставят опыты, — вздохнула Фортуна.

— Думаю, ему не понравится. Он же никогда не имел дела с живыми мышами, — погасил я настольную лампу и обнял жену сзади.

За стеной была слышна возня от любовных прелюдий. Трудно спать, когда за стеной кто-то занимается любовью. Это тоже надо уметь переспать.

— Мыши? — поцеловал я жену. — Постучать им?

— Не надо, ещё подумают, что мы завидуем. У тебя есть чем ответить? — повернулась ко мне спина.

— Обижаешь, — положил я её руку себе на член, и он медленно начал твердеть.

— Ого! — воскликнула она.

— Если вы встретили в своей постели мужчину, не пугайтесь, возможно, эта встреча не случайна.

Торт Захер

Я вышел на балкон. Было довольно прохладно, захотелось даже что-нибудь накинуть, например, чьи-нибудь объятия. Но они остались где-то в спальне. Возвращаться не хотелось, к тому же придётся будить.

Холодно. Жизнь — как насилие над самим собой, к нему привыкаешь. Кому-то кажется, что оно даже способно приносить удовольствие, но мы не удовлетворены на все сто, даже на семьдесят, и не будем, иначе не были бы людьми. Какой-то мелочи не хватает, огромной мелочи, величиной с серебряную монету в ночном небе. Я бросаю в лицо луне окурок, не попадаю, он остаётся мерцать в пепелище угасающих точек. Посмотрел на часы: поздно. Поздно смотреть на звёзды. Взгляд перебирается на огни менее претенциозные, бытовые. Кто-то ещё не спит в домах напротив — луноходы. Гулкие одинокие тени асфальта: кого-то ещё по улицам носит — недоноски, по самому дну колодца вымершего двора — подонки. И я слоняюсь одним из них, из угла в угол — слон-уголовник. Таких не берут в зоопарк, буду гнить в одиночной камере космоса.

Закурил ещё одну и увидел напротив, в соседнем доме, ещё одного лунохода. Он тоже курил. Мне показалось, что он видит меня. Это мне не понравилось, я выбросил окурок вниз и зашёл обратно в тепло. Взял кулинарную книгу и открыл, выпал торт Захер. Я записал:

Судьба Прохора была среднестатистична и пятидневна: жена, телевизор, работа. Жизнь. Задолбала. Долбала и жена своей любовью. Она вместе с жизнью стала уже чем-то единственным, опостылевшим, родным и необходимым.

Юным Прохором трудно было назвать, ночи его стали беспокойнее и длиннее, гораздо длиннее тех, что в молодости, когда достаточно было закрыть глаза, чтобы скоро увидеть утро. Лицо обветрилось временем и помрачнело от вредных привычек, позвоночник просел, желудок растянулся и выкатился. По ночам не спалось, он выходил на балкон и много курил, кидая окурки в пепельницу неба, где они замирали, тлея мерцающими огньками. Никого, только он и полное бледности, испитое, с синяками лицо луны. В сумерках души напрашивалася лай. Прохор не любил тишину, потому что она особенно явно давала ему ощущение, как что-то упрямо возилось в хвосте его рёбер и пыталось выбраться наружу. Сердце шалило. Его стало много, и оно требовало расширения жилища. Он же, будучи человеком неорганизованным, но тщеславным, не знал, как его успокоить, пил. «Захер я ел этот торт после всего, теперь весь в сомнениях: себе оставить или наружу. Захер вообще мне такая жизнь», – думал он, не представляя, как бы её, жизнь, сделать более осознанной и творческой. Выйдешь на балкон ночью, закуришь, посмотришь на небо. Оно чистое и звёздное, только луна затылком. Она равнодушна к вредным привычкам, вот если бы вместо луны было влагалище, одинокое и недосягаемое, как звезда, меньшая было бы ревности, скандалов, измен, самоубийств, вышел бы перед сном, вздрочнул и спать.

Отбивные

– Вчера смотрел бокс, – закурил я сигарету и бросил пачку на стол.

– Ну и что? Ты же знаешь, что я не люблю бокс, но ещё больше, когда ты куришь на кухне, – достала она себе из той же пачки.

– Бой был забавный, то прыгали, то обнимались, то один сверху, то другой. Я подумал, что это очень похоже на нашу жизнь, если её сжать до пятнадцати минут этого боя, – дал я ей прикурить.

– Ну, мы, по крайней мере, не деремся, так, легкие пинки в область души, – выпустила Фортуна ненастье дыма.

– Боремся со своим одиночеством.

– Некоторые борются с одиночеством размножением.

– Если ты про боксёров, то я не досмотрел, чем кончилось, иначе бы мясо сгорело, – улыбнулся я, доставая тарелки.

– Нет ничего сексуальнее запаха жареного мяса.

– Есть... Ты, – попытался я положить на тарелку котлету, но она выскоцила на плиту.

– Чёрт, они нас не любят, – удалось мне её уложить со второй попытки.

– Кто?

– Котлеты.

– За что им любить нас, когда мы друг друга так сильно. К тому же мы их скоро съедим, а потом из зубов выковыривать будем остатки чьей-то заблудшей души.

Мы начали резать и жевать мясо, запивая красным вином. Все слова куда-то исчезли вдруг, будто у них тоже пришло время обеда.

– Что ты замолчала?

– О чём говорить, когда и так вкусно?

– Если тебе не о чём говорить, значит, ты недостаточно откровенна.

- Ладно, представь, что мы в кафе и только что познакомились.
- Я официант или шеф-повар?
- Вы – как хороший коктейль, – отхлебнула она из стекла. – Сколько не пей, хочется повторить.
- Вы – как немое кино 30-х, непонятное, искреннее, – крутил я в руках вилку. – Разговорить вас трудно.
- Я расхожусь после третьего, – посмотрела она пронзительно и осушила свой бокал.
- А это какой? – наполнил ей снова.
- Фортуна промолчала.
- Меня не напугать, – достал я сигарету и прикурил.
- Меня не остановить, – сделала она глубокий глоток.
- Вы – как фигура в Эрмитаже, из мрамора, созданная во имя… – губы мои нарисовали её имя в воздухе. – Шедевр, вас не утащить!
- Вы довольно смелы, – отодвинула она от себя стеклянную пустоту.
- Вы тоже, я хочу быть вашим поводом напиться, – налил ещё ей и себе.
- Я наблюдала за вами и выделила из толпы, – повела она изумрудно кругом.
- Вы хищница, – не заметил я, как она расправилась с мясом.
- С некоторых пор жертвой быть легче, но не так интересно, – улыбнулась она жемчужно и широко. – А вы хищник, у вас было много женщины.
- У вас не было настоящих мужчин.
- Вся надежда на этот вечер, – оторвала она от стола красное и сделала ещё глоток.
- Не люблю это слово, оно похоже на проститутку, – я прикончил свой.
- Значит, я не ошиблась.
- Значит, готовы?
- То, что я готова, ещё не значит, что съедобна.
- Сейчас попробую, – приблизил я к себе жену и поцеловал в жирные жаркие губы.
- Чем займёмся? – спросила она после долгого поцелоя.
- Как чем? Любовью.
- А что, больше нечем?
- Больше не с кем.

Блины

- Мы можем позавтракать без компьютера? Ты думаешь, мне приятно печь блины, когда ты сидишь там, общаешься чёрте с кем?
- Опять блины с дермом. Такое прекрасное утро, зачем надо всё испортить? Ну, давай я сам их испеку, если тебе так сложно. Ты из всего делаешь проблему.
- Дай мне хоть в этом почувствовать себя творцом, – смахнула Фортуна очередной блин со сковородки в аккуратную стопочку ему подобных.
- А я что – не даю? Неужели это так сложно – сделать приятное и не настаивать на том, что ты его сделал, и чего тебе это стоило. Ладно, иди сюда, я тебя поцелую.
- У меня руки в муке.
- Зачем мне руки для поцелуев?
- Вместо аперитива.
- Теперь я понимаю, почему некоторые не могут друг без друга.
- Почему?
- Им нечем будет питаться.

Фортуна села на мои колени, развернулась всей грудью и закрыла глаза. С балкона её груди мне отрывался прекрасный вид. Губы едва разомкнулись сгоравшей пламенем розой. Я проглотил цветок.

– У меня блин сгорит, – шепнула она.

– Да и чёрт с ним, – приготовился я к её порыву, но она и не думала уходить. И в ответ проглотила фиалку моего рта. Казалось, что перемешались не только слюни, но и зубы, и языки. Всё стало общим.

Запах подгоревшего хлеба приятно ласкал нюх. Румяный диск теста быстро чернел по краям и склокоживался. Было похоже на затмение солнца. Скоро дым начал резать глаза. Но мы продолжали.

– Папа, что-то горит? – сын выскочил из своей виртуальной норы.

– Мама блины готовит, – крикнул я ему сквозь кумар.

– Аа, я думал – пожар. Позовёте, когда будет готово, – удовлетворённый, закрыл он за собой дверь кухни.

– Ты видела, как его надо выкуривать из Интернета? – встал я как по команде вместе с Фортуной.

– Любовью, – принялась Фортуна за сковороду, отскрёбывая почерневшее тесто.

– Открой окно, – сказала она мне спокойно.

– Хочешь выйти? – начал я открывать его, глядя сквозь стекло во двор. В поле моего зрения забралась муха, она пробежалась по нему и замерла. Глядя туда же, во двор, стала потирать ладошки. Потом неожиданно взлетела и на ходу спарилась с другой мухой. Я пристальней посмотрел во двор: что могло её так возбудить? Не было там ничего такого.

Отстыковавшись от партнёра, муха залетела на кухню, покружила немного под потолком и села мне на плечо. «Нет, я не того полёта, шлюха. Мне для сопития нужно пережить длинную цепочку отношений. Человек тоже способен схватывать на лету, но не до такой же степени!»

– Только за тобой, – прервала Фортуна мои раздумья. – В смысле, если ты вдруг уйдёшь. У меня навязчивая идея, что ты рано или поздно уйдёшь.

– Ты права, я могу запросто бросить, вдохновиться кем-то другим.

– А как же наш ребёнок, недвижимость, прочее?

– Дети? Неужели мы уже так далеко зашли? В таком случае никуда я не пойду. От красоты не уходят, от неё можно только бежать. А я не люблю бегать.

– Дело даже не в том, что ты уйдёшь, а в том, что уйдёшь к другой. Которая уже не сможет тебя так любить, как я. Некоторые вообще не способны любить.

– Ты говоришь о всеобщей любви?

– Да, о всеобщей любви ко мне.

– Быть любимой – самая вредная из привычек.

– Как же ты меня достал, – поставила на стол тарелку с горячими блинами Фортуна.

– Как? – взял я блин и намазал сгущёнкой.

– Нежно. Иногда складывается впечатление, что не ты меня любишь, а я тебя, – заварила чай Фортуна и села рядом.

– Это не так важно, главное – определиться, что тебе доставляет больше удовольствия: любить или быть любимым, – свернулся я в трубочку блин и откусил.

Горячий шоколад

– Ты обо мне не заботишься, – поправила она волосы.

– Не ухаживаешь, – насыпала сахара в чашку.

– Мне не хватает внимания, – добавила ещё одну ложку.

- Не обнимаешь, – размешала небрежно.
– Я уже не говорю о цветах, – вдохнула аромат кофе.
– Разве я не достойна? – нашла в чашке своё отражение.
– Мы всё меньше целимся, – пригубила керамику.
– Может, ты встретил другую? Скажи, я пойму, – откусила пирожное.
– Может, я тебе надоела? – салфеткой вытерла губы.
– Но все они остаются тенями, – скомкала.
– Все твои женщины в сравнении со мною, – положила бумагу в пепельницу.
– Хочешь, давай расстанемся, – толкала она пенку по поверхности кофе.
– Только скажи, – положила ложку на блюдце.
– Я уйду, если хочешь, – отодвинула тарелку с пирожным.
– Пирожные здесь не очень, – достала она сигарету.
– С них тянет на разногласия, – поднёс я ей зажигалку.
– А это затягивает, – сделала она томно затяжку.
– Забудь всё, что я говорила, – сломав, утопила сигарету в пепельнице.
– Жизнь прекрасна, вот и капризничаю.
– Давай потанцуем! – предложил я Фортуне.
– Здесь?
– Да.
– А можно?
– Только со мной.
– Ты тоже умеешь капризничать.
- Я встал и подал ей руку, она тоже поднялась. Мы медленно кружились под тихий джаз. Зрителей было немного, но они нам не мешали.
- Ты меня любишь? – спросила меня Фортуна.
– Нет. А ты?
– И я нет. Что будем делать? – улыбнулась она.
– Ничего не будем, многие так живут, и никто не умер. Умирают как раз от любви.
– Иногда я ловлю себя на мысли, что лучше уж умереть от любви, чем жить от противного.
– Я противный?
– Ты ужасный.
– Ужасный мне нравится больше. Кстати, и ребёнок тоже от меня.
– Ну, это же был тривиальный залёт.
– В каждом залёте есть свой космос, – прижал я её к себе и поцеловал в шею.
– Это действительно был космос, – закрыла она глаза.
– Ты про поцелуй?
– Я про первый.
– У каждой женщины свой Гагарин.
– Бороздящий её вселенную. Ах, ты, мой Гагарин. Почему мы всё реже летаем?
– Слишком много капризов.

Рагу из овощей

- Ладно, я пошёл, – мялся всё ещё в коридоре.
– Что ты ходишь взад и вперёд, неужели больше некуда?
– Ты не видела мои перчатки? – наступил я в попыхах на кота. Тот взвыл, как они обычно делают это в летнюю душную ночь.

— Ты даже уйти не можешь по-человечески, — с ходу нашла перчатки Фортуна и прятнула их мне.

— А как это, по-человечески?

— Чтобы не было больно.

Вышел утром без её поцелуя, будто не позавтракал. Я не заметил, как прошла дорога к метро, и очнулся только внутри. Стоял на ступеньке, обнимаясь с собственным пальто, наблюдая за лицами в профиль: одни едут вверх, другие спускаются, все разбиты на кадры из хроники. Эскалатор будто скручивает киноплёнку, часть жизни этих людей проходит на лестнице. Их снова и снова будут зарывать и откапывать. Карабкаясь вверх по лестнице, кардинально они не изменятся, даже если будут изменять ежедневно, даже если сами себе. Они изменятся только в одном случае — если изменят им. И они вдруг сорвутся с неё.

Днём в метро не так много людей, я спокойно зашёл в вагон и встал спиной к надписи «Не прислоняться». Напротив цвела приятная женщина лет тридцати. Несколько раз мы столкнулись взглядами. В голове моей всё ещё играло вчерашнее красное. Внутри было тепло и весело. Вдруг захотелось узнать её имя. Я подошёл.

— Вы любили когда-нибудь? — не пришло ничего лучшего на ум.

— У вас всё в порядке? — отодвинулась она от меня.

— Да, но вопрос-то простой.

— Конечно, любила, — взялась она крепче за поручень.

— Сильно? — я улыбнулся искренне.

— Достаточно, — пыталась она отвести глаза.

— Как вы думаете, любовь с первого взгляда существует? — разворачал я её добродетель синим-синим как небо взором.

— Я в метро не знакомлюсь и тем более не влюблуюсь, — поправила она сумочку.

— А что вам мешает? — поддержал я её за руку, когда поезд качнуло.

— Романтики не хватает, — чувствовала она мою ладонь, а я, казалось, её учащённый пульс.

— Так считаете?

— Извините, я плохо считаю, — улыбнулась помадой незнакомка.

— Я выйду сейчас, вы её сразу почувствуете, — диктор объявлял мою остановку.

Двери открылись, и я вышел. Помахал рукой, а она мне из-за стекла ресницами. Тоненько всосал поезд, словно рот макаронину. Незнакомка увезла с собой всю мою романтику.

Фаршированный перец

Я приехал домой раньше обычного. Никого. Только кот выбежал радостно навстречу.

— Сейчас тебя покормлю, — содрал я ботинки и сразу прошёл на кухню. Насыпал ему в миску кошачьей радости и потрапал по загривку. Том весело принял грызть еду. На кухонном столе лежала записка, даже целое письмо:

«Помнишь тёплые ночи? В них как в бездонной ванне, мы плавали словно рыбы, лишиённые чешуи, чувствительные как поцелуи, плавленые сыры.

Помнишь?

Они были маленькие, дети наши — мурашки, бегали между нами, ветреные, возбуждённые, углубляясь в те зоны, которые я бросила контролировать, как только тебе поверила.

А как я смущалась?

Ты первый, кто их растрогал, открыл. Чувствуешь, как я скучаю, я бrezжу прикосновениями, страх проник подсознательно, выстелился подкожно, вдруг ты больше никогда не придёшь, не дотронешься. Страх солнечных жировых прослоек, вдруг ты найдёшь меня

худой или толстой, бледной и неухоженной? Вяну и сохну, мне нельзя без тебя. Моя влага, мой дождь, вызывающий дрожь на поверхности моря, моя слабость, моё беспокойство. Я – твоё фортепиано. Пальцы роскошные, пусть они сыграют подушечками серенаду спокойной ночи, я усну скучающая.

Твоя вторая любимая кожа.

Я тебя люблю.

P. S. Лучше бы это был кто-нибудь другой».

Жутко захотелось увидеть её и потрогать. Я поставил чайник, взял телефон и позвонил:

– Ты меня растрогала. Я не думал, что у нас всё так серьёзно. Обещаю тебе вечную любовь.

– Лучше пообещай себя, любви у меня достаточно.

– Когда приедешь?

– Ты соскучился?

– Скука – это моё любимое развлечение.

– Нет, скучный ты мне совсем не нужен.

– Хорошо, я приготовлю на ужин что-нибудь.

– Что это будет?

– Разобранная постель с голым мужчиной.

– Я действительно голодна.

– Я тоже. После твоего письма у меня закипело внутри.

– Я слышу только чайник. Выключи его уже.

– Чай придётся пить одному, – снял я чайник с огня.

– Буду часов в шесть. Люблю.

Оливье

– Молчание не перекричать. Тем более твоё. Что на этот раз? – разбил я наконец тишину.

– В каждом молчании своя истерика.

– В каждом молчании своё болото, – возразил я.

– Вчера у тебя не было слов, сегодня у меня. Вечером ты забыл их в кафе, наверное, или где ты там шлялся. Люди делятся на три категории: одни говорят правду в глаза, другие врут не моргая, третья молчат: они берегут зрение. Ты из каких?

– Ну, пьяный пришёл, ну и что.

– С запахом приятных женских духов. Рассказывай, кому ты отдал мне причитающиеся слова?

– Никому я ничего не отдавал. Хватит уже.

– Вот и я думаю, что хватит. Достало, – сурово посмотрела на меня Фортуна и добавила: – Нам нельзя быть вместе, это нас погубит.

– И раздельно нельзя – это погубит других.

– Зачем мне другие? Я не хочу быть вагоном, в который входят и выходят. Мне нужен один пассажир, с которым я доеду до конечной, – достала она початую бутылку красного из холодильника и один фужер. Налила до краёв.

– Мне выйти?

– Кажется, ты давно уже вышел. Вечером тебя чёрт знает где носит, ночью пропадаешь в Интернете. Проваливай!

– А не пошла бы ты сама подальше... Как ты говоришь, «до конечной».

— Сам вали, никуда я не пойду, — голос Фортуны заскрипел и дрогнул, из глаз потянулись серебряные нити.

— Да кому ты нужна?

— Себе! Я очень нужна самой себе. Я даже начинаю скучать сама по себе, выслушивая твои упрёки. А ты вот возьми хоть одну из них, из своих виртуальных баб и пошли на х... так же как и меня сейчас, — допила она с горечью вино из большого бокала.

— Да кто они для меня такие, чтобы я их туда посыпал. Никто! Я посылаю тебя так далеко, потому что ближе у меня никого нет, — её бокал пролетел рядом со мной и размазался о стену.

Один из осколков отскочил к моим ногам, я взял его и сразу же порезался, кровь быстро побежала по пальцу, будто опаздывала в метро на последний поезд. Тяжёлая красная капля упала на пол, появился кот, понюхал и слизнул, потом другую.

— Вот, и ты теперь будешь пить мою кровь, — на него я тоже не был в обиде.

Взял салфетку, зажал ею рану и подошёл к жене: — С одной стороны, я псих, что полюбил тебя, но с другой — буду полным идиотом, если оставлю. Пойдём в комнату, что-то здесь слишком много эмоций, — взял Фортуну за руку и потянул за собой. Она покорно встала. Я обнял её, чувствуя, как мокнет моё плечо от женских слёз. Вальсируя по коридору вдоль стены, наша пара добралась до спальни. Свет включать не было необходимости, положил жену на кровать и лёг рядом. Рука моя проникла под платье и быстро нашла там тёплую грудь. Я знал, что дырки в отношениях лучше всего задевывать сексом.

— Не надо, — тихо прошептала она. — Ты можешь оставить меня в покое?

— Смотри с кем.

— С собой. Быть собой или с тобой. Этот вопрос давно расколол мою голову на два полушария.

— Я бы хотел побывать на восточном. Надоело всё, может, на море махнём?

— Что там делать зимой?

— Вот именно, что ничего.

— С тобой разве можно куда-нибудь поехать? Ты всё время куда-то ускользаешь, вот и сейчас уходишь от темы.

— Ну что за бред.

— Совсем не бред. Мне кажется, я тебе надоела. И это бросается в глаза.

— Не начинай. Хватит опять говорить эту ерунду, — начал я стягивать с неё платье.

— Я всё время говорю ерунду, — она не сопротивлялась. Я зажал её губы своими, и, в конце концов, рот её поддался уговорам и раскрылся.

Кровать поскрипывала всякий раз, когда мы поворачивались, чтобы крепче обнять друг друга. Я чувствовал, как её пальцы впивались в мою голую спину. Не придавая значения тому, чего же в них было больше — ненависти или любви. Последнее ушло далеко, нас связывало уже что-то другое, нечто большее, чем просто любовь. Подобно этой скрипучей койке, в которой мы укрываемся одной кожей, переживаем одной на двоих слюной, склеенные чудовищной необходимостью.

— Я не могу с тобой так больше, — вновь начала Фортуна.

— Ты знаешь, я тоже.

— Давай поменяем позу.

Оладьи из кабачков

Утро разило все окна. Птицы гнездятся в ушах. Жирное солнце можно мазать на хлеб вместо сливочного масла. Весна тёрлась о стекло капелью.

— Я тебя люблю, — прокралось мне в правое ухо.

– Что ты такое говоришь? Тебе что, помолчать не о чём?

Чувство вины, видимо, мы оба его испытывали тем утром, оно как теннисный мячик, прыгает от одного к другому. Сначала внушаешь его человеку, когда тот ошибся, потом испытываешь – за то, что внушал слишком грубо.

– Я тоже тебя люблю, – поцеловал я жену сонными губами.

– Хочешь, сделаю тебе оладьи из кабачков.

– Может, лучше массаж?

– Давай вечером, – она ловко оставила постель и ушла в ванную. Услышав звуки душа, я откинул одеяло ладонью и стал размешивать ингредиенты своего лица. Наконец сон был сброшен, но вставать не хотелось. Вскоре вернулась жена в длинной белой рубашке и с мокрыми волосами. Она забралась на меня верхом, нагнулась и попыталась поцеловать в губы.

– Неужели ты будешь есть этот суп?

– Я люблю твою щетину, – прикоснулась Фортуна к моей щеке. От неё пахло свежими цитрусами. – Любовь проверяется утренними поцелуями, – подтвердила она свои намерения.

– А что проверяется вечерними?

– Вечерними она усугубляется.

– Может, ещё поваляемся? – испытывал я её чувство долга своими объятиями.

– Нет. Не могу. У меня сегодня семинар, потом заседание кафедры в университете, – выдержала она их ласку.

– Какая тема заседания?

– «Что вы думаете о сексе?».

– И что вы думаете о сексе?

– Я думаю, с этим надо кончать, – подняла она со своей груди мою руку и вернула хозяину.

– Пожалуй, вы правы, кончать без него – удел одиноких.

– Вчера ко мне на работу заезжала Тереза. Она наконец рассталась со своим, ну и, как всякой одинокой женщине, спится ей паршиво. Я попыталась отогнать её дурные мысли, но где там. Она же не слышит. Рыдает. Сегодня хочу заскочить к ней, так что задержусь, – освободилась она от моей второй руки.

– Думаешь, это окончательно? Они же сходятся по первому зову инстинктов.

– Не знаю. Она была без кольца, без серёжек. Хотя я тоже так делаю. Даже удаляю номер из телефона после ссор с тобой.

– Помогает?

– Как ни странно, очень.

– В подарках, видимо, собраны все обиды.

– Подарками они гасятся.

– Ты на что намекаешь?

– Давно их не было. Женщина без подарков вянет.

– Я знаю, что шопинг – лучшее средство от депрессий, но у тебя же всё нормально вроде.

– Для профилактики.

– Хорошо, я выберу день. Так ты надолго?

– Как пойдёт.

– Нет ничего печальней одиноких женщин.

– Думаешь, мужчины легче переживают одиночество?

– У них хватает ума понять, что если ты одинок, то ты не один – таких много.

– Что бы ты понимал в женском одиночестве. У женщин всё иначе: когда им некому высказаться, плач их прячется внутри, скулит, как щенок. Видно, что он потерялся, тёплый, преданный, напуган, тыкаясь в углы, он ищет ласки.

– Все ищут ласки, не только одинокие. Купи ей шоколадку. Это помогает.

– Шоколад у неё есть, она завела его сразу, после мужа, собачки и ребёнка. Только сладкого в её жизни от этого не прибавилось.

– Ох уж эти женщины! Вместо того чтобы быть сладкими самим, они почему-то ищут эту сладость на стороне. Они сами себя ни черта не знают и не понимают. Вот что ты про себя и про них знаешь?

– Знаю, что они любят.

– Кого любят?

– Да не кого, а что.

– Вот именно что все эти чувства к предметам любви в один прекрасный момент становятся беспредметными. Они не могут понять, что их счастье не может зависеть от других.

– Значит, мы не можем понять своего счастья?

– Да, выходит, не можете. Если вам кажется, что счастье может зависеть от других, то вам показалось, это не счастье.

– Не счастье или несчастье? Я имею в виду слитно или раздельно? – проснулся в ней филологический инстинкт.

– Да какая разница! Кому-то надо раздельно, чтобы быть счастливым, кому-то вместе – чтобы несчастным.

– Какая жестокая у тебя формула любви.

– Дикая.

– Надеюсь, ты до вечера не одичаешь. Я пошла, – выскочило из кровати её стройное тело и скрылось за дверью.

Кофе

Я смотрю на котлету. Она лежит голая, загорает под солнцем кухни:

– Это говядина? – спросил я Фортуну, пережёвывая второй кусок мяса.

– Да, ты хотел свинину? – переживала по-своему Фортuna.

– Нет, я просто представил, как корова заходит ко мне в голову, в темноту, в рот, как в незнакомый сарай. Она боится этих оральных лабиринтов, идёт на ощупь, а кругом только мясорубки челюстей, готовые в любой момент оттяпать её плоть. В страхе одна её нога проваливается между зубов, корова тянет её изо всех сил и отрывает, уже без неё дальше движется медленно по пищеводу, как по пещере, ищет выход. Того гляди замычит.

– Может, тебе действительно надо стихи писать или сказки? Я смотрю, ты сегодня совсем без аппетита? Завари тогда кофе. У тебя хорошо получается.

Я любил варить кофе, его терпкий и ароматный запах успокаивает и настраивает мысли, как камертон. Кофе создаёт вокруг тебя маленький уютный Париж, по которому ты можешь бродить с сигаретой, с девушкой, с женой и, глядя в небо, штопать душевые раны Эйфелевой иголкой.

Холодная вода, кофе, немного корицы, половина чайной ложки сахара, щепотка соли. Краем глаза я замечаю, как пенка весело устремляется вверх. Главное – не упустить момент.

– Хочется завернуться в этот аромат, – убрала со стола тарелки Фортuna. Я разлил кофе в чашки.

– Может, ты тоже сядешь? – взяла в руки фарфор жена.

– Сейчас, только закурю!

– Это её прибьёт окончательно.

– Кого?

– Твою корову. Кстати, курить после еды вредно, – вот так маленькими глотками жена убивает кофе и меня. Женщины убивают глоточками.

– Я всё ещё ощущаю её ногу меж зубов, плотно засела, и это начинает их беспокоить, а меня нервировать, – затягиваюсь снова и пытаюсь вызволить мясо кончиком языка. Однако тщетно, нужны подручные инструменты.

– Только не надо пальцами, ты же не стоматолог.

– А где у нас ниточка для зубов?

– Нитка в ванной перед зеркалом на полочке, – целуясь со своей чашкой, отпустила меня жена.

Салат «Цезарь»

– Снова в моей рубашке.

– Хоть чем-то покрыть недостаток твоего отсутствия.

– Неужели так нравится?

– В ней ты ближе. Будто укрываюсь объятиями.

– Я всегда говорил, ты женщина необыкновенная, не только ушами, любишь, ещё и кожей.

– И глазами, и грудью, этот список можно продолжить, но надо бы поужинать. Кстати, и еда из твоей тарелки тоже вкуснее.

– Ты серьёзно? – продолжал я из туалета, под шум своей струи. – А что на ужин?

– Ничего, я только что пришла.

Я смыл и перебрался в ванную.

– Тогда что бы ты хотела?

– Хорошо бы сидеть в баре, потягивать Мартини, сводить с ума своей красотой мужчин, зная, что есть ты и никто не нужен кроме.

– Что же тебе помешало?

– Как ни странно, ты.

– Я кому-то мешаю – значит существую, – вытер руки полотенцем и вышел из ванной. –

Сын-то дома? – спросил я, зная что у того сейчас тренировка.

– На тренировке.

– Может, сходим где-нибудь поужинаем?

– Опять ты меня читаешь?

– Просто я люблю читать про себя.

– В моей голове действительно пятьдесят процентов мыслей о тебе. Даже больше.

– Ты можешь быстро собраться?

– Буду готова через десять минут.

* * *

– Что же так долго, – листал я журнал в прихожей. – Уже вспотел тебя ждать. Полчаса прошло.

– Подумаешь, тридцать минут, ничего, что я тебя прождала всю жизнь? – выдала она мне из-за двери спальни.

* * *

Я уже поглядывал на часы, наконец она вышла:

– Ну как тебе это?

– Слишком красное, страсти и так хватает, – размышлял я вслух, любуясь на свою красивую женщину. Она вновь исчезала за шторой примерочной. В нетерпении я заглянул.

– А это? – скинула она то, что было, и осталась в белом ажурном белье.

– Слишком изящное, ты в нём ослепишь толпу. Это моё любимое, – поцеловал я её сзади в ушко. Мы оба посмотрели друг на друга в отражении зеркала.

– Да ты просто маньяк.

– Я не маньяк, я влюбился.

– Не вижу разницы, – улыбнулась она и нырнула в другое платье.

– Слишком блестящее, остановит движение в городе, будет мозолить чью-то немую ревность!

– Значит, тоже берём!

В этот момент подошла девушка, работавшая в отделе, поинтересоваться, не нужна ли какая-нибудь помощь. Я, высунув голову за занавеску, сказал ей, что у нас всё в порядке.

– Как тебе продавщица! Правда, хорошенъкая? – спросила жена, натягивая юбку на упругие бёдра.

– Очаровашка! – ответил я, не придавая этому значения.

– Вот и катись к ней, – вытолкнула меня Фортуна из примерочной и задёрнула занавеску.

– Больная что ли? – зашёл я снова к ней.

– Никогда не восхищайся другими в моём присутствии, я способна ревновать даже к звёздам.

– Посмотри на себя, кто здесь звезда? – развернул я её к зеркалу. – Опять ты себя не любишь.

– Мне просто некогда, я же люблю тебя, – пронзила она меня глазами сквозь зеркало.

– Ревность плохое чувство.

– Разве я виновата, что сейчас у меня других нет.

Я снова поймал её взгляд в отражении. В отражении он другой, будто из подсознания. В этот момент она действительно любила меня больше, чем себя.

– Тебе самой не надоели твои капризы?

– Как же они могут надоест, если ты их исполняешь. У нас денег хватит на них? – указала она глазами на платья.

– Хватит, только не забывай, что я по-прежнему не люблю магазины. Подожду тебя у кассы.

– Хорошо. Я быстро.

Скоро мы вышли из магазина с пакетами, полными её хорошего настроения.

– Как много надо женщине, чтобы быть счастливой.

– Мне много не надо, мне надо с чувством.

Драники

Я проснулся разбитым. Кровать пуста. В тишине комнаты кружила звенящая муха. Это был голос моей жены, она разговаривала с кем-то по телефону. Скорее всего, с Терезой, кто ещё мог позвонить в такую рань. Видимо, та не спала всю ночь, накопилось. Она любила излить душу. У меня тоже накопилось к утру и тоже хотелось выплеснуть из себя, но вставать было лень. Чтобы как-то отвлечься от этого желания, я стал слушать их разговор:

«Настоящая любовь не прощает, у неё просто нет на это времени, она уходит. ... Я понимаю, тебе жалко стало: бросать всегда жалко, вдруг кто-нибудь подберёт... Значит, пожалела себя... Ну тогда не надо путать жалость с любовью».

Я перевернулся на другой бок

«А его реплика “не уходи” означала только то, что это надо было сделать гораздо раньше... Каждая преданность ищет своё предательство... Ну как же ты не поймёшь, что из прошлого нелепо лепить будущее, разве что заляпать брешь в настоящем».

Мне вдруг стало скучно от этой женской болтовни о любви, которой, видимо, здесь и не пахло. Как часто женщины не замечают, что их используют самым отвратительным способом. А может, им это просто нравится? Я нашупал под кроватью пульт и включил. Передавали новости спорта, единственные позитивные из всех существующих, если, конечно, кто-нибудь не поимел вашу любимую команду.

– Что смотришь? – тихо вошла жена.

– Новости.

– Твои новости – это я, – скинула она халат. Я привлёк её к себе, не поднимаясь с постели, обнял за голые бёдра и поцеловал в шёлковую маковку. Кожа пахла клубникой.

– Ты потрясающе выглядишь!

– Женщина выглядит настолько – насколько её хотят, – медленно падала Фортuna в мою сторону, пока я не подхватил и не прижал к себе. По телевизору в этот момент начали передавать бои без правил.

– У меня мураски.

– Это чувства идут на работу.

– Когда ты ко мне прикасаешься, моя точка G становится многоточием. Ты всё ещё меня любишь? – прижалась она ко мне ещё сильнее. – Сердце, перестаньте подсказывать. Он сам должен знать.

Я опустил голову на её грудь и тоже услышал, как прибавило ходу женское сердце. Вдохнул губами нежную кожу и начал баловать её языком.

– Так ты меня любишь?

– Ты хочешь это знать?

– Я хочу это чувствовать.

Сохраняя молчание, язык уже подобрался к соску, который немедленно вырос. Я поигрался немного с ним, потом с другим.

– Не буди во мне суху!

– А то что? – оторвал голову от её груди.

– Загрызу тебя нежностью и опоздаю на работу.

– Давай, я хочу умереть от нежности.

– А мне что с этого?

– Развлечение. Ты могла бы убить? – посмотрел я Фортуне в глаза.

– Нет, некоторые не заслуживают и этого.

– А я?

– Ты – другое дело, – затянула Фортuna мои губы в долгий поцелуй и закрыла глаза.

– Знаешь, мне страшно, – неожиданно ледышкой вонзилось мне в самое ухо.

– Со мной?

Она продолжала:

– Мне страшно, что я постарею когда-нибудь. Морщины... ты веришь? Я их считаю, – протянула она руку, взяла со столика зеркало и стала всматриваться в своё отражение.

Я прижал её к себе, как удав – кролика:

– Дура!! Выкинь это из головы, старость к тебе не придёт, пока ты её не пустишь.

– Ты знаешь, что может случиться с женщиной, если её не любили давно, давно не ласкали хотя бы словами, давно не трогали её кожи, к чувствам не прикасались. Без любви все женщины вянут, она может с ума сойти от одной этой мысли: старость.

Так и бывает: стоит только промедлить, расслабиться, не сожрать вовремя женщину в любовном порыве, как она тут же начнёт выедать твой мозг своими недомоганиями.

– Не надо бояться морщин! – хотел я отнять у Фортуны зеркало, как оно соскользнуло и упало. На его отражении замерла трещина. – Вот тебе подтверждение! Если даже зеркало способно треснуть от красоты, что же тогда говорить о коже на лице.

– Это было моё любимое, – с улыбкой вздохнула она.

– А моё любимое зеркало – это ты: чем дольше любуюсь, тем больше нахожу в себе изъянов.

Судак по-польски

Я проснулся от звонка телефона. Фортуна давно уже ушла на работу, в окне медленно светило солнце. Встал, подошёл к креслу, на котором отдыхали штаны, и вытащил телефон. Звонил мой старинный друг Оскар.

– Привет!

– Разбудил?

– Да нет, я уже чай пью.

– Как со временем? Хотел к тебе заехать.

– Да, конечно! А ты далеко?

– Нет, рядом. Буду минут через сорок.

Утро приехало другом. Оскар был говорлив, как Амазонка ночного унитаза. С утра не то что говорить, но даже слушать трудно. Я-то знаю, что нельзя приезжать так рано по субботам, можно сломать чью-то жизнь.

Моё тело прошло по коридору в поисках своего отражения. На этот раз я решил его не пачкать. Прошёл мимо зеркала дальше, пока не уткнулся в окно на кухне. Посмотрел в него. Там деревья стряхивали с зелёных пальцев холодную воду. На детской площадке никого. Посередине, в сухом фонтане, ревились каменные дельфины, будто обрадовались долгожданной воде. Дождь вёдрами выплёскивал свою божью слезу, однако без видимого сожаления. Я поставил чайник и пошёл в ванную, где, не включая света, помыл лицо и почистил зубы.

В зале взял пульт, однако рука так и не поднялась включить телевизор, я поднял её на кота, стряхнув с дивана. Недовольный, он отвалил на кухню.

– Чайник выключи, как засвистит, – бросил ему вслед. Сам сел в нагретое место и взял газету, помял глазами. Новости устарели, где-то я их уже видел: не колышут, не трогают, мёртвые.

Вскоре засвистел чайник. Всё громче и громче.

«Обиделся», – подумал я про кота и тоже двинулся на кухню.

Если бы там был кто-то кроме него, я бы скорее всего улыбнулся, но некому, незачем. В одиночестве люди честнее и меньше морщатся. Все морщины – от искусственных улыбок. Человек стареет от компромиссов. То, что сегодня некому было сказать «доброе утро», означало только одно: что не придётся начинать день с лицемерия. Я выключил чайник, но заваривать не стал, решил подождать Оскара.

Дождь всё ещё не ушёл, выказывая равнодушие ко многому, ко мне в частности. Я достал из холодильника масло, сыр и колбасу. Поковырялся в носу, почесал причинное. Продолжая хрустеть кормом, Том посмотрел на меня понимающе, воспринимая как должное мою раскованность. Животных мы не стесняемся, нет вокруг никого и нас вроде бы тоже.

Скоро появился Оскар. Мокрый и худой. Мы поздоровались и обнялись.

– Стареешь, чувак, – предложил я ему тапочки.

– Сам такой, – стянул он с себя влажный плащ и натянул на вешалку.

– Проходи, можно сразу на кухню. Пить будешь?

– Нет, я же бросил.

– Жалеешь себя. И сигарета, небось, электронная? Фитнес, йога, здоровое питание? Я же говорю, стареешь, – улыбнулся ему, заваривая чай.

– Откуда ты знаешь про йогу?

– Я просто так сказал.

– Да, хожу два раза в неделю. Ты не представляешь, как это заряжает…

Потом он рассказал мне о своей работе, медленно съехал на политику, прошёлся по психологии, подчеркнул важную роль эзотерики. Большую часть его мыслей занимали воспоминания. В конце концов, он всё свёл к тому, что очень хочет написать книгу, только не знает пока, с чего можно начать. В этот момент я подумал, что книги, которые никто не будет читать, можно начинать с чего угодно, и лучше их даже не заканчивать, иначе потом захочется выпустить.

Как бы старательно я его ни слушал, слух мой периодически отключался, понимая, что старому другу нужны были уши, мои уши. И он их получил. С этими мыслями я встал из-за стола, набрал воды в стакан и стал поливать цветок на подоконнике.

– А как ты? – неожиданно вспомнил про меня Оскар.

– Весна, – ответил я на автомате.

Не солнце, не голубое небо, не бегущие на жидких ногах ручьи привлекали перед окном моё внимание. Я не смотрел на улицу, видел только, как, скользя по стеклу на шерстяных лапках, две мухи пытались спариваться.

– Скользко там.

– Да, ужасно скользко, – подтвердил Оскар.

Мухи продолжали фигурное катание на стекле. Своими большими глазами они молча и преданно смотрели друг на друга. Когда занимаешься, говорить о любви нет никакой необходимости. Они занимались.

– Дружная весна в этом году, не то что в прошлом.

– Разве в прошлом году была весна?

– Несомненно.

– Повезло тебе, а я так и не влюбился ни разу, можно считать, что её и не было. Снаружи действительно кипела весна, а внутри – будто бы осень. Прогулки по падкой листве. Дружба – какое тяжёлое занятие. А старая дружба ещё хуже старой любви. Ни заняться, ни бросить.

– Как твоя жена? – устав от психологии, решил я переключить тему и поставил на огонь очередной чайник.

– Мы уже разошлись.

– Ты с ума сошёл, Оскар! Мария – эта аппетитная булочка… с корицей. Таких женщин не бросают. Да и вообще, женщин нельзя бросать. Ты не знаешь, каково им потом подниматься.

– Да, нельзя, впрочем, они могут себе это позволить.

– Но почему?

– Она не разделяла моих взглядов.

– Чушь. Разногласия между мужчиной и женщиной возникают от того, что одним хочется любить, а другим просто хочется. И где-то после тридцати пяти они меняются ролями. Спать надо было больше с ней. Скучно ей стало с тобой, с правильным?

– В общем, ушла.

– И как ты?

– Тяжко одному.

– Ты ей звонил?

– Когда грустно, все звонят бывшим. Знаешь, как временами накатывает.

— Я знаю, что такое депрессия, когда очень хочется отвести душу, но, куда бы ты её ни отводил, ей всё не нравится.

«Даже одинокому человеку необходимо побывать одному. Одному из тех, кого могут любить», — подумал я, закурив и предложив сигарету Оскару.

Он махнул головой и достал свою, электронную.

— Бывает, — увидел я росу на его глазах. — Только не надо драматизировать. Соберись!

— Я пытаюсь, но как? Очень трудно собрать человека из того, что она оставила.

— Женщину тебе надо, большую тёплую женщину, она тебя вылечит. Хочешь, познакомлю, у меня много в университете.

— Ради бога, не надо меня лечить, у тебя не хватит лекарства! Ладно, извини, Макс, загрузил я тебя с утра пораньше, мне уже пора на йогу, — положил он в карман рубашки свою сигарету, допил остатки чая и встал.

Я с радостью оторвал задницу от подоконника, выключил плиту и пошёл его провожать, размышая о том, что сегодня надеть.

Утка с яблоками

Город выглядел серой грудой камней, которые легли так витиевато, что люди, прогуливаясь по нему, невольно ощущали свою убогость. По их тусклым лицам было видно, что им чего-то не хватало. Одним времени, другим любви, третьим денег, остальным просто не хватало, поэтому они были счастливы. Однако последних встречались единицы.

Я встретился с Фортуной у выхода из метро в центре города. Небо тосковало.

— Почему в нашем городе так мало солнца и так много угрюмых людей? — спросила она меня.

— Почему? Есть и счастливые, те, что умеют пить это солнце сквозь облака.

— А те, что не умеют?

— Просто пьют, или того хуже — микстуру.

— Надеюсь, ты не про нас?

— Нет, конечно. Но выпить хочется.

Мы решили зайти в кафе, чтобы залить погоду кофе или ещё чем-нибудь.

Заняли столик в самом углу. Приглушенный свет создавал полумрак, тихо скрипел саксофон, пахло свежемолотым кофе.

— Ты позволишь, сегодня я угощу, — улыбнулась Фортuna.

— Если только любовью, — подозвал я гарсона.

— Тебе какую: со страстью, изменой, капризами, со скандалами?

— Что желаете? — вмешался в разговор официант.

— Мне покрепче, я люблю неразбавленную, — закрыл я сразу две мишени.

— Мне тоже покрепче, — засмеялась Фортuna.

— Текилу или виски! — обратился я к ней.

— Два виски со льдом, — отпустила она официанта. — Знаешь, иногда мне хочется быть вульгарной, развратной, даже пошлой. Ты изменился бы, стань я такой? — тепло сжала Фортuna мою ладонь.

— Нет, но начал бы изменять.

— Я подозревала, что слишком честна, чтобы быть твоей женой.

Нам принесли выпивку.

— Видишь два стеклянных глаза в моём бокале? — поднял я его.

— И в моём — тоже холодный взгляд.

— Больше всего я не хочу, чтобы ты на меня когда-нибудь так смотрела.

— Тогда не изменяй.

- Тогда не становись пошлой и вульгарной.
- У нас для этого слишком мало солнца, – она сделала небольшой глоток. – И тёплое море тоже не помешало бы, – положила мне голову на плечо.
- Чем займётся дама у моря?
- Буду лежать на пляже, чтобы волны целовали мне ноги спокойно, ветер листал книге бумажные губы.
- Ты что, читать туда поедешь?
- Нет, я хочу, чтобы меня читали.
- Там солнце слишком назойливо.
- Не назойливей, чем мужчины.
- Рассчитываешь на роман?
- Какое море без романов? Представляешь, красное сухое заката. Беседы. Ладони. Колени.
- Чужие губы на завтрак.
- На завтрак, обед, ужин. И дивные рыбы, тёплые, влажные, волнующие, малосолёные. И каждое их касание усиливает сердцебиение.
- Думаешь, я тебя отпущу? Никуда ты теперь не поедешь с такой буйной фантазией, – кончился в моём стакане виски.
- В том-то и дело, что я даже сама себя не могу отпустить.
- Почему?
- Неужели ты до сих пор не понял. Ни жёлтая таблетка солнца, ни море витаминов, ни компрессы времени, ни примочки старых друзей, ни микстура новых знакомств уже не лечат, мне постоянно нужна инъекция тебя.

Марципан

«Хоть бы это утро было добрым», – подумал я, когда вышел на кухню. Фортуна сидела за столом. Она молча пила чай. Посмотрела на меня как на мебель, которую уже давно пора было выставить на «Авито», достала из вазочки печенье и откусила.

- Как спалось, дорогая? – взял себе чашку и налил чаю.
- Отлично, – вылетело на меня несколько крошек печенья вместе с воздухом из её губ. – Ой, извини! – улыбнулась она, хотя и не планировала эту улыбку.
- Что тебе снилось? – взял последний кусок вчерашней шарлотки и не заметил, как он исчез.
- Розовые верблюды.
- Верблюды?
- Да, они мне плевали в душу.
- Что, тоже печеньем? – открыл я холодильник по инерции.
- Ты не знаешь, к чему это?
- Может быть, к тяжёлой работе, – нашёл там колбасу и сыр.
- Мне кажется, дело не в этом. Кстати, где ты так задержался вчера?
- Были дела, – отрезал себе немного того и другого, сложил и откусил.
- По ночам?
- Зашли с коллегами в бар, ну и засиделись. Что здесь такого?
- Ты не находишь забавным, на тебе эта странная розовая футболка.
- Ты всё ещё про верблюда? – подсел я к Фортуне и приобнял.
- Что пили? – попыталась убрать мою руку со своего плеча жена, будто я делал это впервые.
- Ну что ещё могут пить верблюды? – поцеловал её в шею. – Пиво.

Я понимал, что медлить больше нельзя. Надо было брать инициативу в свои руки.

Надо брать женщину, пока в голове её проходит сложную цепочку сомнений анализ. Пока тебе ещё не вынесен приговор. Только хороший секс, даже не обязательно хороший, главное – неожиданный, может смягчить наказание. В жизни любой женщины так мало приятных неожиданностей. Иначе болезнь будет прогрессировать и может затянуться на несколько дней и, самое главное, на несколько ночей. Нет ничего хуже, чем спать рядом с телом, когда мог бы с душой.

Я крепко обнял Фортуну и начал есть её губы, приговаривая: «Ах ты, моя телятина!» Под халатом у неё ничего. Мои руки потекли по тёплому телу: от груди всё ниже, к влагалищу, которое, казалось, только этого и ждало. Оно радушно встретило мою ладонь и начало о чём-то живо общаться. Я почувствовал, как твердею. Фортуна закрыла глаза, одна её рука обхватила мою шею, а вторая потянула за скатерть. Со стола полетели чашки, тёплый чай выплеснулся на пол, корзинка с хлебом запрыгала по паркету, за ним рассыпалось крошечным ливнем печенье, страстью опрокинулось на скатерть малиновое варенье.

– Иногда я притворяюсь до такой степени, что становлюсь сама собой, – уже сдирала с меня розовую футболку Фортуна. Я поднял руки, и ей это удалось.

– Чёрт, я очень хочу посмотреть в окно, – глубоко дышала Фортуна.

Я понимал, о чём она говорит. В сексе главное – выбрать правильный угол. Даже если это угол падения.

Мы встали как по команде, я развернул жену лицом к осени и, сдёрнув с себя рукой трусы, стряхивал их ногами, пока они не свалились. Откинулся подол её халата и вошёл туда, где чуть ранее пальцы уже обо всём договорились. Фортуна держалась за подоконник, подыгрывая мне всем телом.

– Как там погода? – спросил я, въедаясь своим в её тело.

– Повышенная влажность, временами заоблачно! – опустила голову Фортуна.

– Дождь будет? – Руки от бёдер плавно перетекли к сочным грудям. Будто это были грозди винограда, который созрел и который необходимо было собрать.

– Нет, считай, что я тебя уже простила.

– Тогда хорошо бы полить цветы, – смотрел я, как подрагивают листья традесканции на подоконнике.

– Хорошо бы, – протянула жена. – Не будь мне сейчас чересчур хорошо, я бы обязательно так и сделала, – запрокинула голову Фортуна.

Я целовал её в длинную шею, в мочку её слуха, ощущая вкус золота не только её серьги, но и женщины, которая сейчас принадлежала полностью мне. На мгновение я поймал губы Фортуны, она застонала. Взвинтил темп, проникая всё глубже и глубже, в самые недра. И кончил ей, как мне показалось, в самое сердце, держась за её грудь, глядя в большое окно. Кончил на дрозда, который сидел на проводе, на фигуру из противоположного дома, которая мечтала на своём балконе, на припаркованные снизу авто, на пустую детскую площадку с дельфинами.

Дети остались внутри Фортуны. Тяжело дыша, я победно засинул голову наверх и краем глаза заметил кота, который спокойно наблюдал за картиной с высоты холодильника.

– Антракт.

– Что ты сказал? – подняла голову жена.

– Посмотри на это животное, – я повернул её голову в сторону холодильника.

– О чём он думает? – засмеялась Фортуна.

– Стоило ли разыгрывать пьесу ради одного акта? – посмотрел я прямо в глаза Тома. – Ещё не придумали влюблённой женщины, которая не хотела бы второго акта.

– Увольте, секс с вами такая скуча! – продолжала смеяться жена.

– Мне тоже показалось, что шарлотка была куда вкуснее.

Всё ещё обнимая сзади, я поцеловал Фортуну в затылок, снова посмотрел в окно. По тропинке к площадке шла стайка детей.

* * *

Вечером зашла Тереза. Подруга Фортуны, они вместе учились на каких-то курсах. Среднего роста, с большими бёдрами, но маленькой грудью, она смотрела на мир голубыми глазами, полными печали и ожидания. Я бы сказал, ягодка на любителя, как и всякая женщина после тридцати, со своими капризами и закидонами. Иной раз меня поражала её честность, искренность. Психолог по профессии, она была неглупой, но как всякий психолог, до сих пор не нашедшей душевного покоя в себе. Говорить с ней было легко.

Воркуя, женщины сразу же прошли на кухню.

– Новый роман? – поздоровался я с ней, когда вошёл.

– Нет, старый ещё не дописан, – улыбнулась Тереза. На столе стояла бутылка брюта.

– Откроешь? – доставала фужеры жена.

– За что будем пить? – спросил я, выжимая пробку из бутылки.

– Просто так, – сразу выпалила Тереза.

– Только очень счастливые люди могут себе позволить шампанское без причины.

– Или очень несчастные, – добавила Тереза.

– А ты сегодня к каким относишься?

– Не знаю, всё относительно в этом мире.

– Всё относительно тебя, – взбил я в бокалах игристое.

– Бесполезный вопрос. Женщина никогда не скажет тебе всей правды, потому что она у неё меняется согласно настроению, циклу, погоде и ещё чёрт знает чему, – взяла в руки бокал Тереза.

– Тогда за настроение, – тихо произнесла Фортуна.

Мы чокнулись и выпили.

– Пустишь в голову переночевать, а он там на всю жизнь остаётся, – Тереза начала свою историю. – Переспала, теперь вот бессонница.

– А чем он тебе не угодил? – положил я себе в рот ломтик сыра.

– Ну, представь: ночь пришла, а он – нет. Весь день насмарку! Не люблю пьяных мужчин, но этого готова простить, лишь бы пришёл. Я ему утром: «Признайся, если ты любишь другую, я всё пойму», – а он прижмёт мою руку к своей груди: «Опять сердце на меня наступало?»

– Самое бесполезное – жить для других, когда не просят, – выкладывала из банки оливки Фортуна.

– А чем он занимается? – поинтересовался я.

– Мной. Пожалуй, это главное, за что я его так крепко люблю.

– Крепче всего любят, когда не за что, – возразила моя жена.

– А кроме тебя? – взял я одну из оливок.

– Музойкой. Пропади она пропадом. Его концерты и постоянные репетиции. Мне надоело всё время ждать!

– Так не жди! – взял я ещё одну и поднёс к губам Фортуны. Она приняла.

– Тогда мне вообще нечем будет заняться.

– Надо ждать только тех, кто приходит, – одобрительно посмотрела на меня жена.

– Так он приходит... когда захочет.

– Мужчина тебя хочет, это же прекрасно, Тереза! – воскликнул я громко. – Надо пользоваться.

– Иначе будут пользоваться тобой, – разглядывала свой пустой бокал Фортуна.

– В руках настоящего мужчины женщина всегда прибыльное предприятие, – наполнил я его вновь.

– Ты не видишь очевидного, – продолжала Фортуна.

– А зачем мне видеть очевидное, когда я могу чувствовать невероятное.

Тереза пододвинула и свой бокал тоже. Я залил ей полный бак, шампанское скользнуло через край. Она попыталась поймать его пальцами, но тщетно. Брют зашипел и весело побежал вниз по стеклу. Однако страсть его быстро улетучилась, образовав на скатерти небольшую лужу. Тереза облизнула пальчики и закусила вином из фужера.

– Мы в ответственности за тех, кого раздеваем, – искал я какую-нибудь подходящую музыку в стопке пластинок.

– Кто вы? Мужчины? – вытирала салфеткой лужу от шампанского моя жена.

– Нет, все мы – люди. Ответственность – словно женщина, терпеть не может, когда её перекладывают на другого, – наконец нашёл я то, что искал. Вскоре к нашему разговору добавился бас Армстронга.

– Мне другой не нужен, – положила Тереза в рот медальон копчёной колбасы. – Бл..., как же трудно, как же трудно быть женщиной, особенно счастливой и не стать бл...ю, – глотнула она ёщё вина. – Я как на привязи. Чем сильнее привязываешься, тем чаще возникает желание порвать. Повозничают, повозничают и затихнет, – она взялась за сигарету. Но сигарета выпала из её пальцев, прокатилась по скатерти и нырнула под стол.

– Зачем так переживать и выходить из себя?

– Хотя бы покурить, – пыталась нащупать ногами сигарету Тереза. Вскоре ей это удалось, она нагнулась и подняла беглянку. Дунула на неё, положила в губы и прикурила.

– Часто желание быть нужной полезной, «Рядом!», делает жизнь собачьей, – встала из-за стола Фортуна, подошла к холодильнику, достала из морозилки курицу и положила в раковину.

– Как быть с теми, кто нас не любит? – выпустила облако Тереза.

– С ними лучше не быть, – вытерла руки полотенцем Фортуна.

– Так как не быть, если хочется.

– Значит, всё-таки секс, вот что крепче всего вас связывает.

– Я думала, что он развязывает.

– Секс – это зверь, который сидит на цепи у любви. Стоит ему только сорваться, и он готов перегрызть всех своими поцелуями, – решил я подлить страсти в женский диспут.

– И никакая любовь не спасёт человека от секса, разве что безответная, – убрала со стола пустую бутылку Фортуна и поставила на огонь чайник.

– Да, мне нравится быть с ним нагой и курить сигареты в постели. Мне нужен этот голос с хрипотцой, которая царапает где-то внутри, да так, что не забыть.

Аджика

– Где ты пропадала всю ночь?

– Не там, где ты подумал.

– Жаль.

– Почему?

– Могли бы обсудить.

– А кто вы собственно такой?

– В смысле? Я твой муж!

– Муж ведь должен любить.

– Только не надо делать из меня идиота.

– Не буду. Тем более что меня опередили.

- Такой хороший день, зачем ты выводишь меня из себя?
 - Надо же с кем-то погулять.
 - Давай уже расстанемся раз и навсегда.
 - Так ты определись сначала – «давай» или «расстанемся»?
 - Мне кажется, я устал, я выдохся, я хочу лечь и лежать так долго-долго, один и найти в этом великое счастье. Кстати, ты не видела нож? Не могу найти.
 - Он в моём сердце.
 - Я же там был не так давно, нет там никакого ножа.
 - Ты и сейчас ещё там. Даже если уйдёшь, ты долго ещё будешь оставаться в моём сердце.
 - Так где ты была всю эту ночь?
 - Не жди объяснений, если любишь меня, придумай их сам.
 - Я не настолько сообразительный.
 - У меня есть другой, раз ты так настаиваешь.
 - Шлюха, как ты могла?
 - Я до сих пор не могу, потому что я не шлюха.
 - Не верю. Что, целую ночь?
 - Тебе будет легче, если я скажу – половину?
 - Как ты упала в моих глазах.
 - Сам виноват, плохо меня держал.
 - Где чёртов нож? – не находил я себе места на кухне с колбасой в руке.
 - Там же куча ножей, возьми любой, – забеспокоилась Фортuna.
 - Мне нужен большой, с чёрной ручкой.
- Она встала и тоже начала поиски вместе со мной.
- Ты не только всё, что есть у меня, но всё, чего нет.
 - А чего у тебя нет? Ну, кроме ножа.
 - Видимо, того же, чего не бывает иногда у тебя. Ты можешь мне ответить, чего хотят женщины?
 - В общем, как и все: любви, тепла, секса, внимания, семьи, уюта.
 - И что из этого является главным?
 - Ничего. Главное – доза и последовательность.
 - Выходит, у нас много общего?
 - Общее в нас только то, что мы совсем не похожи. Если бы мы с тобой не встретились, всё было бы по-другому и с другими.
 - Хватит уже мечтать.
 - Знаешь, иногда смотрю я на влюблённых, и такая тоска меня вдруг берёт, нет чтобы мужчина. Взял бы да отодрал.
 - Что ты такое говоришь? Ты же у меня одна.
 - Тебе проще, у меня таких много.
 - Мне кажется, я устал от нашего цинизма, от этой непонятной игры, которую сам затеял.
 - Не кайся, тебе не идёт. Ты виновен только в том, что я полюбила другого.
 - Другого? Что ты комедию ломаешь?
 - Чтобы потом не сказал, что я сломала тебе жизнь!
 - Я даже сейчас не понимаю, правду ты говоришь или играешь.
 - Я не играю, Макс. Есть люди, которые приходят, есть – которые уходят, есть те, что остаются. От них-то всё и зависит. Знаешь, чего я больше всего боюсь?
 - Чего?
 - Лжи.

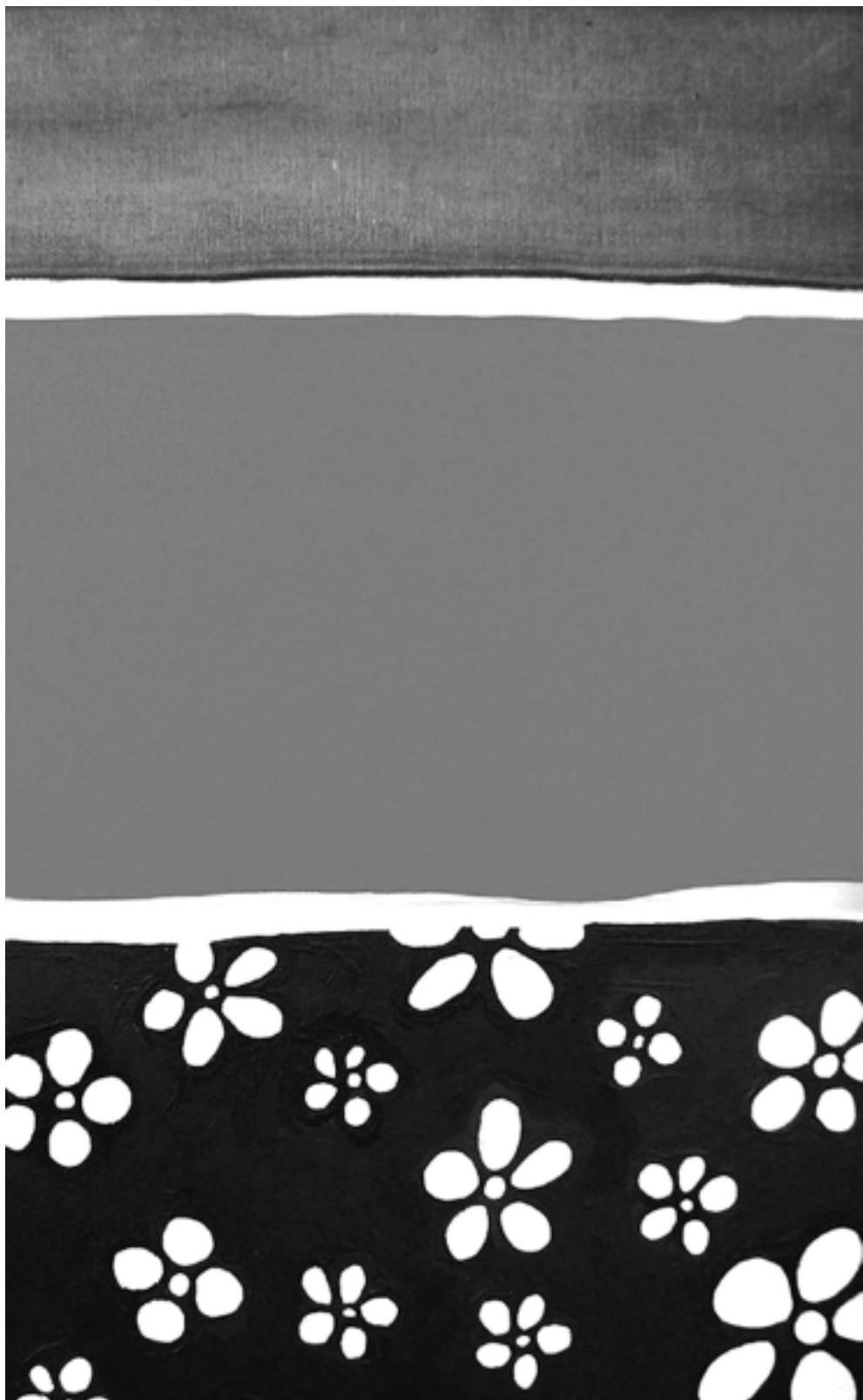
– Что же в ней такого страшного?
– То, что она заразна.
– Хоть сейчас ты можешь быть откровенной?
– Конечно, сейчас только вены вскрою, – блеснула она лезвием ножа.
– Где ты его нашла? – стал я приходить в себя.
– Я же говорила, что он в сердце, в котором ты так любишь прятаться.
– Твоя правда, нет лучше убежища, чем чужое сердце. Я помню, как ты затаилась в моём под другим именем, когда мы только познакомились.
– Это была маска, за которой я претендовала на тебя, – протянула она мне нож. – Каждая любовь рано или поздно приносит кого-то в жертву. Бывает, принесёт, а тебе уже и не надо.

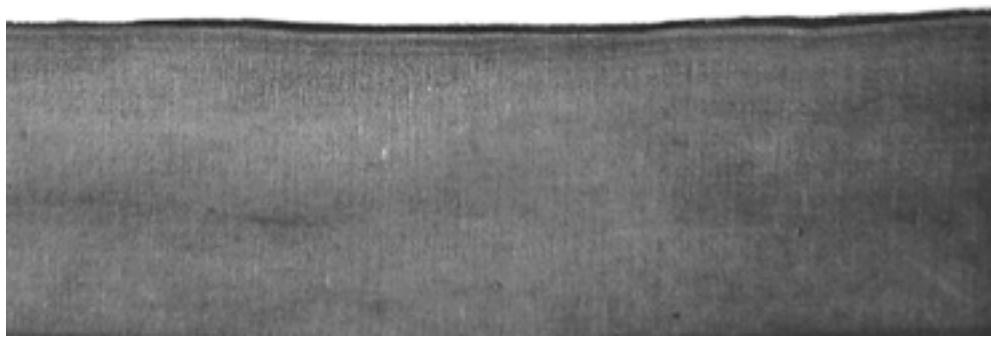
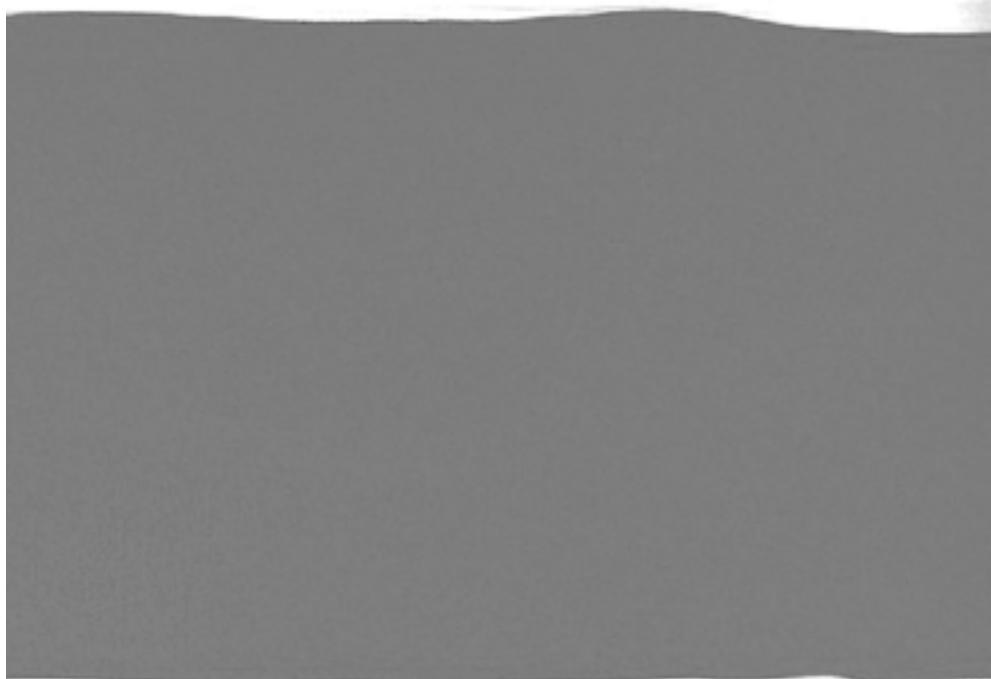
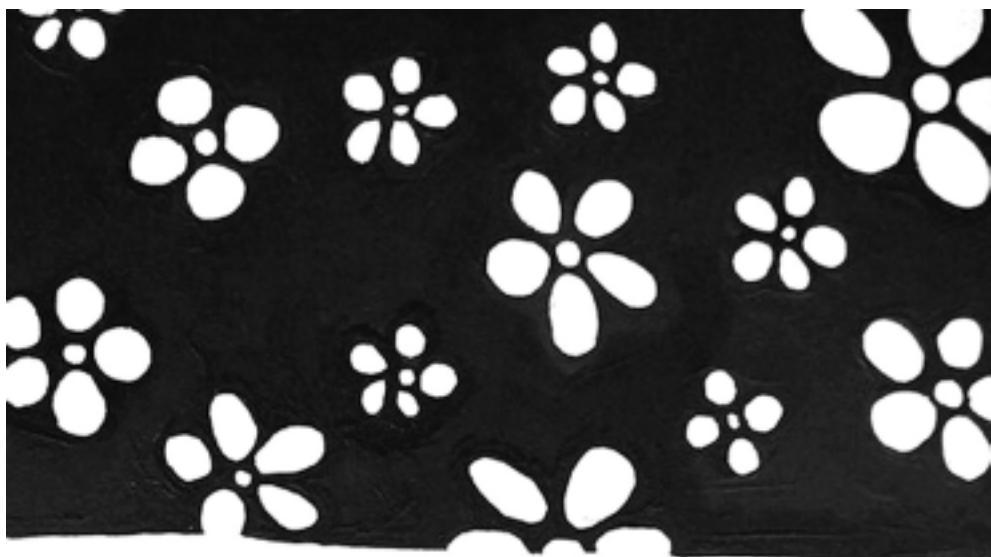
* * *

– Нет, Макс, нет! Я же тебе сказала, между нами всё кончено! – выплеснула она на меня в сердцах.
– Но чем я не вышел?
– Самое странное то, что если я скажу: «Я тебя не люблю», ты будешь любить меня ещё сильнее. Однако с тех пор, как мы развелись, я научилась говорить правду. Я люблю тебя по-прежнему. Только вот по-прежнему жить уже не хочу. Что ты так смотришь? Не надо меня оценивать, меня надо ценить, – сделала она два глотка красного.
– Если вам кажется, что надо что-то менять в этой жизни, то вам не кажется, – процитировал я задумчиво собственную мысль.
– Просто необходимо, – допила своё вино Фортуна. – Ты помнишь, что такое параллельная связь в электричестве?
– Это когда одна лампочка перегорает, а второй хоть бы хны?
– Вот-вот, наша связь напоминает такую же: горю я или гасну, тебе параллельно.
Я молчал, Фортуна отрезала сочный кусок жаркого и заправила в губы, но одна капля бесцеремонно упала на её белую юбку.
– Чёрт! – начала она усиленно оттирать. – Купила её только в пятницу.
В моей голове крутилось: «между нами всё кончено». Сначала я чувствовал себя той отрезанной плотью, которую она проглотила, теперь же – пятном, от которого пыталась избавиться.

– Ты спиши что ли? – заглянула Фортуна в спальню, всё ещё соскабливая со своих ног туфли.
– Да, что-то прибило. Прилёг после работы и отлетел, – открыл я глаза и посмотрел в потолок.
– Я тоже люблю спать одна, – подошла она к моей постели.
– Больше места? – заметил я пятно на её белой юбке.
– Больше снов.
– А мне какая-то чертовщина снилась. Будто в твоих руках нож, а я, одинокий и брошенный, сижу в кафе.
– Нигде человек так не одинок, как во сне, – присела она на постель рядом со мной и погладила по голове.
– А сколько сейчас? – обрадовался я внезапной ласке.
– Шесть.
– Пора вставать, а то опять только под утро усну. Кстати, у нас сегодня утром был кто-то, или мне показалось?
– Любовь приходила. Сказала, что мы мало ею занимаемся.

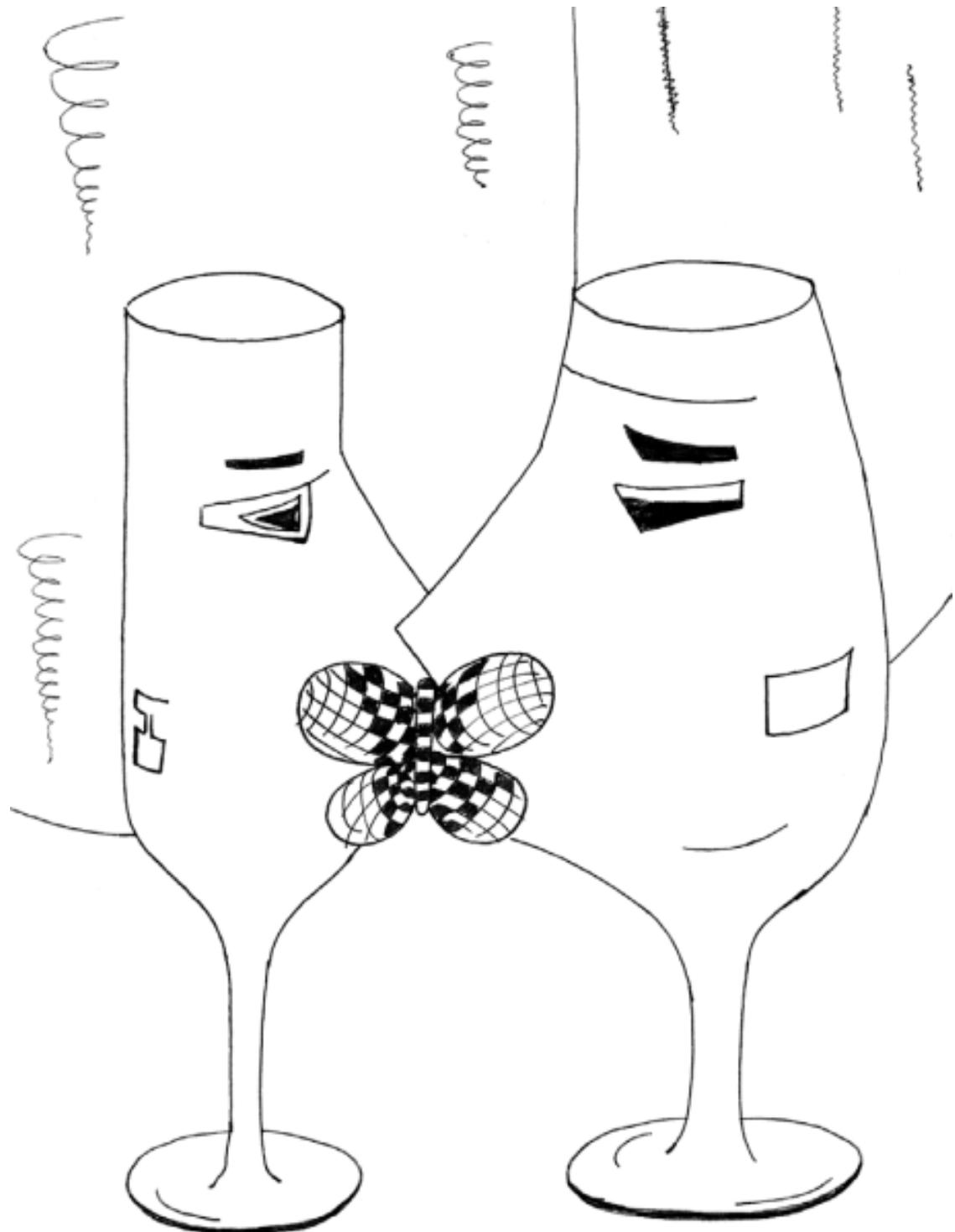
- Будь она воспитанна, звонила бы, прежде чем приходить. Так что это было?
- Не хотела тебя рано будить, письмо из Франции принесли.
- Люблю письма из далека. Где оно?
- В прихожей на полке лежит. Принести? – отпустила мою голову жена. – Там ещё какой-то огромный свёрток.
- Это тебе. Подарок. Картина.
- Ты что, рисовать начал?
- Да, взял несколько уроков по случаю.
- Пойду, посмотрю, – вышла она, и слышно стало, как зашуршала бумага.
- Что это?
- Это ты.
- Неужели? Не устаю удивляться, как ты талантлив, – рассуждала жена из коридора.
- Каждый талантлив настолько, насколько его недооценивают.
- Ты про университет? – вошла с полотном Фортуна. На нём было три полосы разной ширины: зелёная, красная и коричневая в цветочек. Жена прислонила его к стене.
- Да при чём здесь университет, я вообще, – скинул с себя покрывало. – Как тебе портрет?
- Что я могу сказать? Три линии жизни: первая – глаза, третья – бельё… той самой первой ночи. Удивительно, что ты его запомнил.
- Я и её запомнил тоже, – уточнил я про ночь.
- Вторая, красная, видимо, страсть либо душа, – продолжала Фортуна.
- Гениально! Как ты так быстро меня раскусила?
- Голодная потому что.
- Я тоже. У нас ничего сладенького нет?
- Есть… Я.

Часть II

Чем большие утываешься кем-то, тем легче тобою закусывать

Я

Каким-то ветром меня занесло на филфак. Я начал преподавать испанский в этом институте благородных девиц. Мужчин не хватало. Единицы из них, видимо, как и я, попадали сюда случайно.

Филфак издревле считался рассадником женственности и безнравственности, так как нравиться девушкам здесь было некому и они увлекались чем попало. Первый раз, когда я вошёл в аудиторию, – будто лишился девственности. Так было ещё несколько раз, пока не привык и не освоился. Я чувствовал, как на меня смотрят, но ещё не мог получать от этого удовольствия. Это можно было сравнить с молодой женщиной, едва начавшей половую жизнь. Когда любопытство уже удовлетворено, а наслаждение ещё не пришло. И вот в ожидании оргазма она останавливается то ли перевести дыхание, то ли покурить, то ли позвонить маме и спросить, что делать дальше, когда же наконец будет приятно. Я держался до последнего, точнее сказать, мораль меня держала и не давала расслабиться, почувствовать себя султаном в гареме. Полгода ушло на акклиматизацию. Разница в возрасте практически стёрлась. Робость уходила, но медленно, как бы я её не подгонял.

У меня не было большого опыта общения с женщинами, скорее в этом общении мне приходилось ощущать себя подопытным. Так, пара недолгих бездетных романов. Я смотрел на мир, на девушек чистыми сухими глазами. А они на меня.

Вероника

Сегодня семь прекрасных баб глядели на меня в упор. Подсознательно я ещё на первом занятии с этой группой выделил самую симпатичную. Если препод говорит, что у него нет любимчиков, то он, безусловно, лукавит. Не верьте, даже преподу нужна муза, на которой он и сосредоточит своё внимание, словно она не что иное, как глаза данной аудитории. В этом, несомненно, есть эстетическое удовольствие. Даже говорить легче, когда в атмосфере витает симпатия. Она словно кислород, которого иногда так не хватает для лёгкости общения.

На этот раз это была брюнетка, звали её Вероника. Чистое загорелое лицо, ни песчинки, ни соринки, ни лишних эмоций, ни вызывающего макияжа. Ровные белые зубы, казалось, освещали помещение, когда она улыбалась, и покусывали воздух, когда она отвечала. Трудно было не восхищаться, а так как трудиться я не очень любил, всё произошло как-то само собой. Всякий раз, когда наши взгляды сталкивались, возникали волны. Не могу сказать, что все из них были порядочными, потому что там, где есть тёплая вода, всегда хочется скинуть одежду и окунуться. Я видел, как жадно вздыхается её грудь, как она то и дело поправляет волосы и старается не смотреть на меня, чтобы не смущать аудиторию. После одной из пар она подошла ко мне с раскрытым конспектом и попросила объяснить тему прошлого урока, где мы разбирали будущее время. Нет ничего проще, чем предвещать будущее, гораздо сложнее объяснять прошедшее. Со студентами я старался общаться на «ты».

Она подошла ко мне, как подходит мать к любимому сыну, гибкая и ласковая. Я и раньше замечал её ладно сложенную фигуру, стройные ноги, несущие дивные бёдра, длинную шею, красивую головку с локонами вьющихся волос, аккуратно заправленными. Лишь некоторым, особо отличившимся прядям, разрешалось спадать ниц, на плечи. От Вероники пахло свежестью и весной. Парфюм настолько гармонировал с её внешностью, что я готов был поверить в то, что именно так пахла её кожа. Мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы всё объяснить, а ей записать, затем я предложил прогуляться, хотя бы до метро. Она согласилась.

Думает ли человек о сексе, когда гуляет? Если я об этом думал, значит, человек действительно меня заинтересовал. Подумал и испугался, смогу ли я свою студентку, если вдруг до этого дойдёт, аморально ли это. По дороге почти не разговаривал и не пытался её развлекать. Так, в раздумьях о высоком и низком мы топтали осеннюю листву, пока не добрались до метро. На эскалаторе я стоял на одну ступень ниже Вероники, взгляды наши слились в один, мысли – в одну. Скоро стало понятно, что и желания тоже устремились к одному, едва она невинно спросила:

– Вы верите в любовь?

– Только когда занимаюсь, – так же невинно ответил я и привлёк её к себе. Метро становится чудным аттракционом, если вам там есть с кем целоваться. Мне – было.

Клим

– Hola amigos! Que tal? – начал я по обыкновению пару на следующее утро. Зрители вяло улыбнулись и молчаливо поздоровались в ответ. Рабочий день запомнился свежими булочками с корицей и хорошо сваренным кофе. Удивительное сочетание, настоящий секс для тех, у кого его не было этой ночью. У меня не было. После пар я позвонил своему другу-художнику, который творил в мастерской неподалёку от университета.

– Привет, Клим. Как ты?

– Работаю.

– На чай можно зайти?

– Заходи, если не будешь отвлекать меня от работы.

– Не буду. Купить что-нибудь к чаю?

– Возьми водки, всё остальное есть.

Хорошо, когда у человека всё есть. Я любил самодостаточных людей, да и сам старался быть таким. Но быть и стараться – понятия очень далёкие друг от друга. Я ещё не был.

– С натуры рисуешь?

– Я в натуре... рисую. Один я, сам себе натура. Хорошо, что позвонил, мне как раз нужно твоё участие или сочувствие, даже не знаю, как назвать.

– Хорошо, буду минут через сорок.

– Давай, жду.

Мастерская располагалась на седьмом этаже дома-колодца. Дом был старый и без лифта. Я поднимался медленно и заглянул в колодец уже в самом конце пути. Высота опьяняла. Плюнул в глубину, назло народной мудрости. Слюна плюхнулась в тёмной бездне первого этажа. В этот же момент открылась дверь, и меня встретило большое доброе тело моего друга. Мы обнялись, я вошёл первый. В мастерской было накурено, радио играло «Дым над водой». Клим к моему приходу уже заварил чай. На маленьком столике перед диваном стояли мокрые, но чистые чашки.

– Алекс, на тебе лица нет, – повернулся он ко мне к свету. – Признавайся: чем ты болен?

– Ею, хочешь, познакомлю?

– А если это заразно? – громко засмеялся он.

– Ты знаешь... – начал я.

– Нет, – он меня перебил.

– Да, лучше тебе этого не знать. Могу только добавить, что она идеальна.

– Трудно любить идеальных: не за что зацепиться.

Я скинул куртку на стул и отдался дивану, а мой взгляд – картине, над которой работал Клим.

– Ничего не говори, – пригрозил он мне лезвием для заточки карандашей и начал им резать хлеб. Потом принялся за колбасу. Он не любил обсуждать свои картины вслух.

– Про себя можно?

– Про себя можно, так что там про тебя? Кроме того что ты влюбился.

– Разве этого мало?

– Я же хочу про тебя, а не про неё.

– Работаю.

– А ночами в Интернете?

– Да ты сам всё знаешь!

– Интернет словно женщина, стоит только войти – и уже в сетях. Необходимо определиться, какая тебе ближе.

– А если обе? Одну ты любишь, а с другой просто легко, и ты любишь её, когда хочешь.

– С женщиной просто только в одном случае: если она тебе не принадлежит. Мне лично достаточно одной, но идеальной.

– Ну и что такое, по-твоему, идеальная женщина?

– Женщина, с которой я живу, – не задумываясь, ответил Клим. – Чёрт, голова сегодня трещит, а может, это душа сохнет?

– У всякой души свой насморк, своя слезливость, своя температура, своя ломота, – подтвердил я.

– И переохлаждение всему виной, – добавил Клим.

– Лучше вином, это тебе, – достал я бутылку водки и поставил в середину стола.

– Ты с ума сошёл? С каких пор ты перестал понимать мои шутки? Мне ещё целый вечер работать. Хотя для головы это может быть приятным откровением, – он уже откручивал сосуду башку.

– Я пас, – налил я себе чаю.

Он достал одну рюмку и, наполнив её, сразу же выпил. Закусил скучавшим в вазочке мармеладом.

– Вчера на презентации одной книги был в издательстве.

– Ну и как?

– Книга – дермо, зато коньяк был хороший.

– Теперь понятно, откуда головная печаль, – пригубил я чашку с чаем.

– Вечером заливаем грусть, утром – сушняк, так и переливаем из пустого в порожнее, – Клим налил себе ещё одну. Махнул и снова закусил мармеладом. – Что-то не клеится сегодня, может быть, встал не с той ноги?

– А может, не с теми лёг?

– С теми, с теми. Цвет мне нужен. Никак не могу поймать нужный тон. Темпера имеет такую особенность, что, когда подсыхает, меняет оттенок, – уже мешал краски на палитре Клим.

– То же самое можно и про людей сказать. С утра у каждого свой оттенок. Сразу видно, с кем спал, где и сколько, – вытянул я свежий журнал из кипы, чтобы не мешать творцу, и начал просматривать заголовки.

Минут пять прошло в тишине, только еле заметный скрип кисти по холсту: Клим усиленно что-то затирал в поисках тона.

– Я еду в Париж, – невозмутимо продолжал выводить цвет Клим.

– Серьёзно?

– Вполне.

– Надолго?

– Надеюсь. Мне на следующей неделе должны привезти готовые подрамники с холстами. Тебе придётся их встретить и рассчитаться. Оставлю деньги и ключи, мастерская тоже будет в твоём распоряжении. Я дам твой номер мастеру, он сам позвонит. Его зовут Прохор.

Клим достал сигарету из пачки и закурил. Он походил немного, затем сел на стул и стал вдумчиво изучать своё произведение. Табачный дым окутал его лицо, которое и без того было достаточно одухотворённым: лысый череп, мощный лоб, большие глаза с длинными ресницами, красивый правильный нос, полные вдохновенные губы. Ниже – подбородок, который изящно подчёркивал профиль. Настоящий художник.

– Я тоже буду тебе позванивать, – стряхнул пепел Клим. В этот момент позвонили в домофон.

– Это Марк, музыкант, я тебе рассказывал о нём. Мы спектакль вместе ставили, гений современной музыки. Если бы я так умел рисовать, – пошёл он открывать дверь.

Я попытался навести порядок на столе: смахнул крошки на пол и налил себе ещё чаю.

Через несколько минут они появились вдвоём, Клим познакомил нас, достал ещё одну рюмку и наполнил обе. Музыкант был худой и высокий, прямые чёрные волосы поблескивали сединой, в его очках спокойно сидели умные глаза. Они смотрели, словно в окна, и думали о своём. Сильные пальцы правой руки подхватили рюмку, предложенную художником.

– Ты когда уезжаешь? – закусил собственным вопросом Марк.

– Через пять дней, надо успеть закончить эту, – указал на полотно пустой стопкой Клим и проглотил ещё одну мармеладину. Творцы закурили.

– Хорошо весной в Париже, – рассуждал Марк.

– В Париже всегда хорошо, если есть деньги, – наполнил повторно стекло Клим.

– Когда есть деньги, хорошо везде. Деньги и женщины. Иначе не на что будет тратить.

– Ты по-прежнему всё спускаешь на женщин?

– Иначе как размножаться?

– Пошляк. Я не об этом, – ухмыльнулся Клим.

– Я тоже. Путь к сердцу женщины лежит через её капризы, – музыкант внимательно рассматривал картину, над которой бился художник.

– Ну зачем тебе к сердцу? На мазохиста ты не похож, – улыбнулся Клим и воткнул остаток сигареты в пепельницу.

– В других местах у всех всё одинаково.

– А тебе обязательно нужна любовь?

– Любимых никогда не хватает, их по определению меньше, чем остальных. Хотя мне всё чаще кажется, что я уже никого не смогу полюбить.

– Умнеешь на глазах.

– Это и мешает.

– А как же жена, Марк?

– Даже в жену не удалось. Мы всё больше воюем.

– Разве стоит спорить с девушкой только из-за того, что она твоя жена?

– Да я и не спорю. Я всё время пытаюсь заключить с женой перемирие, в результате разжигаю войну внутри себя. Ты даже не представляешь, как трудно с теми, кого мы не любим.

– А ты с ними не спи.

– Я бы не спал, если бы не спалось, но ведь спится. Я знаю, как это грязно – изменять самому себе. И самое гнетущее, что некого в этом обвинить.

– Обычно всё от нехватки внимания. Когда в последний раз дарил ей цветы?

– Она не любит цветы.

– Нет женщин, которые не любят цветов, есть мужчины, которые так считают.

– Я считаю, что это пустая трата денег.

– То есть ты считаешь деньги? В таком случае считай их громче, женщины любят ушами.

— Вот и я говорю, что подарки должны быть стоящие, как и слова любви. Женщина должна быть счастливой, — подытожил Марк.

— Никому она ничего не должна, если любима, — ответил Клим.

— А если нет?

— В таком случае должны ей. А ты что думаешь, учитель? — включил меня, словно радио, Клим. — Поделись опытом.

— Говорить о любви так же бесперспективно, как и заниматься дружбой. Для того чтобы сделать женщине приятное без интима, достаточно сказать, как она похудела.

— Ты с этого и начинаешь свои лекции? — засмеялся Клим.

— Да, однако не со всеми проходит.

— Но сердца-то покоряешь?

— Влюбляются, а чем им ещё заниматься. Легче всего любить тех, кто игнорирует.

— Неужели ты можешь пройти мимо хорошенкой студентки, которая тебе строит глазки? — заинтересовался Марк.

— Мог, но недавно вот споткнулся, теперь заново учусь ходить.

— Тебе как преподу это должно легко даваться: учиться, учиться и учиться! Заниматься, заниматься, заниматься! Любовью, любовью, любовью! — развеселился Марк. — Если уж от любви поехала крыша — не тормози.

— Тормозится только развитие. Ведь стоит человеку позаниматься любовью, как все остальные занятия уже кажутся рутиной.

— Учи, Алекс, потом обязательно примутся за твои мозги, — посмотрел на меня художник.

— Это знак. Если люди тебе начинают еб... мозги, значит остальное их уже не возбуждает. Значит, пора уходить, — погладил себя по голове музыкант.

— Да как уходить, если не к кому, незачем да и неохота? — крутил в руках кисточку Клим.

— Тогда научись получать от этого удовольствие, — вновь засмеялся Марк. — Вот ты, помоему, уже научился.

— Я от всего получаю, даже глядя на тебя, — отыгрался Клим.

— А мне для полного удовольствия необходим экстрим. Я не могу скучно бродить по паркам, высматривать скульптуры и щебетать о вечном. Вчера, например, был в гостях. Её ноги гладили мои под столом, хотя рядом с ней сидел муж.

— Хорошие ножки? — вяло поинтересовался Клим.

— Понятное дело, раз я волновался.

— А она?

— Несмотря ни на что она рисковала.

— У женщин это в крови, — искал нужный тюбик краски живописец.

— Вместе с шампанским. А муж всё подливает и подливает, как масло в огонь.

— Марк, знаешь ты кто? Ты неугомонный гормон, — заулыбался Клим. — Оргазм, ещё оргазм, а что дальше? — выдавил он из тюбика на палитру белую краску, добавил немного чёрной, помешал кистью, бросил это занятие и подошёл к столу.

— Дальше мы пытаемся себя убедить, что не в этом счастье. Что счастье наше в любви, допуская, что даже настоящая любовь способна имитировать оргазмы, — достал ещё одну сигарету музыкант. — Ты что, против удовольствий, Клим?

— Все удовольствия временные. Мы ищем их ненасытно в других, получаем и сваливаем. Для того чтобы получать постоянно, надо искать их в себе, — налил ещё по одной Клим.

— Правильно, другие тоже люди, но искать в себе долго и скучно. Пока там доберёшься до истины, что же тебе действительно нравится. Потому что у себя не видно, а вот у других сразу замечаешь. Особенно недостатки, — взял Марк рюмку.

— Неправда, я вот в тебе ни черта не замечаю, — улыбнулся Клим.

— Ты исключение, поскольку друг. А настоящий друг — это человек, который прощает не только твои недостатки, но даже достоинства.

Они чокнулись и выпили.

Майя

Мы вошли в тёмный прохладный подъезд, и она застучала каблучками по ступеням. Я шаркал сзади, ведомый игрой её тёплых бёдер. Пока поднимались, у меня затвердел. Подъём спровоцировал подъём. Вот и знакомая дверь. Запихнул ключ в скважину и открыл. Внутри пахло казеином и табаком. В коридоре было темно, я включил свет.

— Обувь снимать не надо, — прошёл дальше в студию.

— А что снимать? — улыбнулась Майя, следя за мной.

— Можно отбросить комплексы, — распахнул я небо, отдёрнув занавеску из старого холста.

— Как лихо ты его раздел, я имею в виду окно.

Балкон был открыт, словно художник только что вышел через него. Ветер начал жадно жевать занавески. Будто хозяин вот-вот может вернуться и отобрать лакомство.

Периметр комнаты заставлен холстами, стоявшими некрасиво — задом к обществу. Чтобы не упасть, они облокотились на стены. В одном углу расположился старый диван с небольшим столиком, на котором, словно осколок натюрморта: два немытых стакана, пустая бутылка из-под коньяка и укуренная пепельница с останками долгой беседы.

— Настоящая мастерская, — бросила куртку на диван Майя, а сама, побродив немного по комнате и выскочив ненадолго на балкон, припарковала свою чудесную попку на стул.

— Удобно, — поправила она густую прядь чёрных волос, ещё больше открыв перспективы.

Такая задница для любого стула будет удобной. «Сногшибательная куколка», — устоял я на ногах, подумав так, и достал Мартини, сыр, ветчину, хлеб из сумки.

— Трофейное, — глянула Майя на бутылку. — Кража века!

— Просто Бони и Клайд, — усмехнулся я сам себе. Сгрёб со стола остатки беседы, отмыл тарелку и пару чашек. Сделал несколько бутербродов, откупорил истину. Я налил вина ей и себе. Солнце сразу же плунуло в фарфор, и по стенам запрыгали зайцы.

— А что рисует твой друг-художник, можно посмотреть? — сделав небольшой глоток, поднялась со стула Майя и направилась к стеснительным холстам. Любопытство требовало закуски.

— Так, всякую бесподобную ерунду, — набрал я с жаждой полный рот красного.

— Ерунду писать сложнее всего. — Майя развернула один из холстов.

— Сложнее всего продавать, хотя его писаница всегда будет в цене. И чем непонятнее, тем дороже. Поэтому он перебрался в Париж, — рассуждал я с чашкой вина в руке.

— А по-моему, неплохо, много красного. Я люблю красный.

— Похоже на искушённую самку, — выдал я, не задумываясь.

— Это танец, иекса в нём хватает, — развернула она другой холст, но работа была ещё не закончена. Напоминала забытую кинематографом афишу под дождём, на которой боролись двое.

Последнюю Майя поставила на место, продолжая любоваться танцем. Она вернулась за стол и села уже рядом со мной на диван. Отхлебнула ещё красного, угостила меня голубым салом своих глаз. Я поцеловал её. Губы пахли вином, такие же красные и прохладные. «Вино и женщина — нет сочетания идеальнее», — подумал я про себя, и она подтвердила это, прижившись ещё сильнее. Мы пили и целовались, пока вино не иссякло. И в этом было что-то первобытное и важное для такого романтика, как я. Что-то живописное для такого циника,

как она. Я любил циников, они бескомпромиссны и честны. Что в сексе, что в мытье посуды. С ними легко в том случае, если ты сам честен.

Пока мысливали друг другу губы, я расстегнул её блузку и проник туда рукой, она нашла там небольшую тёплую, но упругую грудь и начала играться с её соском, он немедленно вскочил, как будто собирался закричать. Затем дал поиграться с ним своему языку. Шершавый настолько вошёл в роль, что Майя испустила что-то вроде стона. Тем временем рука моя проскользнула между ног Майи под трусики и нашла там лоскут шёлка, а под ним влажное лоно.

– Давай скинем доспехи? – прошептал я ей на ушко. Оно действительно было ушком, а не раковиной, миниатюрное.

– О'кей, – встала она с дивана и начала расстёгивать юбку.

Я быстро сломал диван надвое, разложил его и набросил простыню. Скинул с себя штаны, рубашку и упал в его объятия. Майя упала вслед за мной в мои. Как она была хороша.

– У меня есть презервативы, если нужно, – ляпнул я вслух.

– Я тебе доверяю.

– Нельзя никому доверять, это дорого стоит.

– Ну, ты же мне доверяешь.

– Я не доверяю, я рисую.

– Хорошо, тогда я тоже рискну.

Мне не хотелось затягивать прелюдию, и я сразу же взобрался на неё, подбирайсь к влажной лагуне. Приятно приходить туда, где тебя ждут. Вошёл внутрь и начал качать. Сначала в глубину, потом вправо и влево и потом снова в бездну. Она орала как ненормальная, а я всё качал и качал, как добытчик в ожидании нефти. Качал не останавливалась, пока не кончил.

– Ты чего кричала-то, – спросил я, чуть отдохнувшись, всё ещё оставаясь сверху.

– Я всегда кричу, когда мне хорошо, – глянула она на меня мило.

– В каждом крике своя открытая рана, я вот не умею, – скатился и лёг на спину рядом с ней.

– Тебе не хватает искренности, – потянулась она к своей одежде, занявшей её место на стуле, достала пачку сигарет и зажигалку.

– Мне не хватает кислорода, – пошутил я, жадно поедая воздух.

– Здесь можно курить? – спросила она, уже прикушив.

– Сегодня можно, – я расслабился окончательно, пытаясь разобрать словоформы дыма. И не заметил, как заснул.

* * *

Когда меня открыли глаза, я увидел Майю в одних трусиках за мольбертом. Она что-то увлечённо рисовала, временами поглядывая в мою сторону.

– Что рисуешь? – приподнялся я, чтобы дотянуться до вина.

– Догадайся.

– Меня, – вылил я себе в полость остатки сухого.

– Угадал, – закрылась она от меня мольбертом.

– Можно посмотреть? – снова зачехлил веками глаза.

– Пока нет, я скажу, когда будет можно.

– Хорошо, тогда я подожду, – погрузился в тёплую дремоту и отлетел.

– Вот, полюбуйся, – разбудила меня Майя, жестом приглашая к холсту.

– Чувствую страшно похож, такой же страшный.

– Подожди. Будь объективен.

– Мне уже нравится. Я про твою маечку.

– А ножки мои тебе не нравятся?
– Нет... они всё время куда-то уходят.
– Давай, на счёт три я разверну холст.
– Лучше я сам подойду.

Я вскочил с дивана и забежал за спину Майи, приобнял сзади, разглядывая детали своего наличного, ощущая её кожу пальцами, проникшими под маечку, которая вкупе с трусишками делала женское тело ещё более желанным.

– Ну, как?
– Всё мне здесь нравится!
– Постаралась быть реалистичной.
– Сразу видно, ты любишь мужчин, – поцеловал её в шею.
– В смысле?
– Делаешь такими, какими они должны быть. Сильными, мужественными и верными.
– Ты разве не такой?
– Нет, я хуже. Я люблю женщин.
– Ты уверен? За что?
– Хотя бы за то, что на их фоне я могу чувствовать себя мужчиной. У меня для тебя тоже есть подарок, – указал я рукой на свёрток возле стены.
– Картина?
– Только обещай мне, что развернёшь её дома.
– Интересно, – поцеловала она меня в щёку.

Лера

В баре было тихо и сумрачно. За стойкой сидела девушка и разглядывала меня.

– Привет, – бросил я ей как милостыню. Она кивнула, так как губы её в этот момент держались за трубочку. В каждом коктейле – своя спасительная соломинка. Я забрался на высокий стул рядом с ней и заказал бармену виски со льдом.

На девушке было тонкое облегающее платье, оно подчёркивало её изящную фигуру. Бежевая грация, что она тут забыла? Среди случайных анонимных алкоголиков. Больше всего меня поразили её глаза: два изумруда, сверкавших в огранке тенистых век всякий раз, когда она смотрела на меня. Я выпил и сразу пошёл в атаку:

– У вас потрясающие зелёные глаза. Такие встречал только у кошек.
– К чёрту мои зелёные глаза, – глотнула она ещё из стакана. – Давайте поговорим о любви.

– К чёрту разговоры, давайте займёмся!

Девушка рассмеялась, и на её щеках появились тёплые ямочки, будто созданные для поцелуев.

– А мы с вами чем занимаемся?
– В таком случае я ваш навеки.
– Навеки не надо. У меня не так много времени. Рада была познакомиться.
– А мы разве успели познакомиться?
– Лера.
– Очень приятно, Алекс. Что так рано?
– Меня дома ждёт кот.
– Тоже неплохо. А где остальные?
– Остальные не дождались.
– Так я вам позвоню?
– Позвони, – она продиктовала свой номер.

– Обязательно, – вдавил я в телефон её номер.

На прощание она лёгонько коснулась моей щеки своей и вышла. Я вылил остатки из стакана себе вовнутрь и заказал ещё. Последние капли влюблённости, что же дальше? Звонки, встречи, разговоры, когда случайная постель переходит в постоянную, а разговоры в отношения. Планы, они-то и уничтожают любовь, потому что не всегда им суждено сбыться. Вот откуда потом опустошённые души, разрушенные мечты и обозлённые на мужчин матерি-одиночки. Я знал, что такие отношения ни к чему не приведут, так как мы их должны вести, если хотим и куда хотим, а не они нас.

Что вы делаете, когда заканчивается выпивка? Заказываете ещё. Что вы делаете, когда исчезает женщина? Заказываете ещё. Пока бармен наливал мне третью стопку, рядом положила сумочку на стойку молодая женщина, потом села, окунула меня в свои глаза и уткнулась в меню. Когда человеку хорошо, его тянет на общение и знакомства. Мне было хорошо:

– Девушка, хотите выпить?

– Я не пью.

– А покурить?

– Нет.

– Я вам не нравлюсь?

– Я же сказала. Не надо меня трогать, неужели вы не видите, что я растрогана совсем другим человеком.

– Пусть кто-то тащится с тебя, а я – домой, – буркнул я вполголоса.

– Простите, я не расслышала?

– Я говорю, дома всегда лучше, чем в баре.

Разговор оказался короче, чем предполагал. Не найдя больше слов, полез в карман и достал свой телефон. На экране высвечивался номер Леры и надпись: «Позвонить». «Рановато», – подумал я. Видимо, подсознательно схватился за ту удачу, чтобы не получить травму от этого фиаско. Когда человек не решается позвонить, он пишет. Я отправил ей короткое предложение: «Замуж пойдёте?» – «А это далеко?» – получил молниеносный ответ. Острая штучка, подумал про себя, оставив вопрос открытый. Рассчитался с барменом и вышел.

Когда я выплыл из бара, почувствовал, что жизнь – это река, в которую не только дважды не войти, но и не выйти, можно лишь плыть, пока не прибьёт к какому-нибудь островку, где есть вероятность поправить запасы эмоций или бросить кости.

* * *

По экрану бежали люди и громко кричали. Мы поднимались по ступенькам на ощупь, пока не добрались до самой середины. Там и утонули в мягких креслах. Народу в кино оказалось немного. Я достал бутылку шампанского, стал осторожно открывать, но в самый решающий момент рука соскользнула и пробка под взрывы на экране вылетела в первые ряды. Лера разорвало смехом.

– Что ты ржёшь?

– Извини, я так плачу.

– Я вижу, слёзы счастья. Есть повод? – стряхнул с себя пролитое вино, отхлебнул и передал ей сосуд.

– Слезам повод не нужен, слезам нужны глаза, – она сделала два небольших глотка.

Пузырьки приятно щекотали внутренний мир. Кино было паршивое, зато её поцелуй восхитительны. Я всегда был уверен в том, что кино – лучшее из искусств, потому что в его темноте можно исчезнуть, заблудиться, заплакать, заняться ещё чёрт знает чем. Оторвав руку от её спелой груди, поднял с пола бутылку, сделал очередные пару глотков, протянул Лере. Она тоже набрала полный рот вина и неожиданно прилипла своими губами к моим. Я

почувствовал, как её вино потекло по моим дёснам. Мы выпили половину и уже не пытались вникнуть в суть картины.

- Где ты так научилась целоваться?
- В кружок ходила.
- Я тоже хочу в этот кружок.
- Тебя не возьмут.
- Почему?
- Потому что ты мне нравишься, – повернулась она ко мне.
- Ты серьёзно? – спросил я её в самое ушко.
- А разве не видно?
- Нет, темно.
- Тогда потрогай.

B

Я ласкал шёлковый штрих-код её лобка, когда она открыла глаза.

– Вероника, ты можешь пообещать мне одну вещь? – произнёс тихо, поцеловав её в живот.

- В постели можно пообещать всё что угодно.
- Когда я умру, обещай, что будешь приходить на могилку.
- Ага, с цветами?
- Нет. Цветов не надо. Просто присядь помочиться, чтобы я даже оттуда мог видеть прелести этой жизни.
- Ууу, как грустно. Ты же говорил, что твоя любовь бессмертна.
- Я не за любовь пекусь, я за себя. Ты когда-нибудь изменяла?
- А я что сейчас по-твоему делаю? – потянулась Вероника за телефоном к столику.
- Раньше ты была только моей, – мне стало не по себе.
- А сейчас?
- А сейчас я даже знать не хочу... Ну чья ты теперь? Чья?
- Я снова стала своей. Ладно, вставай, утро уже.
- Ты уверена?
- Да, я чувствую это по равнодушию к твоим поцелуям.

* * *

– Ты чего расклеился, мужик? Не надо меня любить! Я знаю, к чему это приведёт, ты перестанешь любить себя. Сильный, симпатичный, к тому же препод. Мне, конечно, было приятно твоё внимание, но я не та, что нужна тебе. Я с тобой мне совсем не нужна.

- Вот как?

– Ну да, меня грызло любопытство. Ничто не делает женщину такой доступной, как её любопытство, – посмотрела она мне прямо в глаза. В этот момент поезд остановился. Одни вышли, другие вошли.

– Тебе часто признавались в любви? – спросил я Веронику, как только электричка тронулась.

- Часто.

– И что ты думаешь, когда говорят: «Я тебя люблю».

– Слишком много слов. Помнишь наш первый поцелуй? Когда мы сомкнулись в одну розовую каплю, которая обещала стать дождём, а может даже, ливнем. Так вот, она скати-

лась в пропасть, упала одеждой, нравами и засохла... Мы разные на вкус, – добавила после небольшой паузы.

– А если я на самом деле тебя люблю, Вероника.

– Есть такие слова, которые созданы, чтобы им не доверять. Будь с ними поосторожнее. Чтобы спать с тобой, мне они не нужны. Более того, они мне мешают. Они заводят чувства, которые лучше не беспокоить без повода. Я даже предполагаю, что у тебя есть жена и дети, и вроде бы всё хорошо в вашей жизни, а тут появлюсь я с ворохом своих чувств. Оставь мне возможность быть самой собою. Влюблённость – и точка.

– Прошлая жизнь, как вредная привычка, – отвёл я взгляд вниз и пустил его пастьись среди чужих ног.

– Не бросить?

– Из всех вредных привычек я не способен бросить одну.

– Какую?

– Думать о тебе, я постоянно думаю о тебе.

– Не надо постоянно думать обо мне, постоянство нас погубит. Зачем тебе это?

– В моей жизни есть всё, только тебя не хватает.

– Я не хочу размениваться. Сам представь, что скоро у тебя не останется ничего кроме меня... ещё и хватать не будет. Всё, мне пора выходить, – поцеловала она мою щёку. – Не звони мне больше, – выскочила она на платформу и исчезла в толпе с картиной в руке, завёрнутой в белую бумагу.

Передо мной возникла надпись «Не прислоняться». «К ней, пожалуй, больше и не придётся», – улыбался я себе с сарказмом, в то время как поезд уже тащил меня в недра земли.

Алиса

Впереди себя я приметил девушку. Это был не тот случай, когда мужчина плетётся за какой-нибудь хорошенкой задницей, чтобы скротать свою дорогу. Просто движение этой незнакомки мне показалось странным, скорее даже обречённым. Её сумочка на длинных ручках царапалась асфальтом, будто пыталась разделить с ней какую-то боль из солидарности. Я уже почти нагнал хрупкую фигурку, когда та рухнула прямо на тротуаре.

– Девушка. Что с вами? – осторожно убрал вьющие пышные волосы с её лица и посмотрел в большие голубые глаза. – У вас всё хорошо?

– Не знаю, – приходила она в себя.

– Давайте я помогу вам встать, – протянул ей руку. Она вложила в неё свою тонкую прохладную ладонь. Поднявшись, улыбнулась мне грустно из-под густой каштановой чёлки.

– Что случилось?

– Да так, долго рассказывать.

– Любовь?

– Позвонила одному сердцу, а там занято, – отряхнула она невидимую грязь, подняла сумочку, достала из неё зеркальце, посмотрелась. Потом сделала несколько движений ладонью над своим лицом, убрала зеркало обратно.

– Я знаю, как больно терять любимых.

– Это не просто боль: будто летали внутри тебя бабочки, а их вдруг поймали и приковали булавками к самому сердцу.

– Я вас провожу, если хотите.

– Я не против, если вам по пути.

– Надо быть настоящим извращенцем, чтобы бросить такую девушку.

– А почему вы решили, что меня бросили, а не я?

– Ну, вы же только что лежали на асфальте, – нелепо пошутил я, но она улыбнулась. – Мы спотыкаемся там, где влюбились, мы падаем, где нас бросили, мы пытаемся подняться там, где любили нас, – попытался я реабилитироваться.

– Спасибо, что спасли меня. Даже не понимаю, что со мной произошло, поплыло всё, а потом вы.

– Если вас бросили, и вы падаете, не надо цепляться за что попало.

– Вы не похожи на что попало.

– А на кого я похож?

– На человека.

– Спасибо, – я от души рассмеялся.

– На молодого человека, который пытается развеселить грустную девушку. Не смейтесь, лучше назовите имя, – снова расцвела улыбкой девушка.

– Алекс.

– Алиса.

– Утешать не люблю, сочувствовать не умею.

– Утешение тяжёлый труд.

– А утешение несчастной молодой женщины попахивает съёмом. Когда человек подавлен любовью, очень легко пробраться в его сердце. Давайте просто выпьем кофе.

– Давайте, только не сегодня. Мне ещё надо на танцы.

– Вы танцуете?

– Да, латино.

– Сальса?

– Ну и сальсу тоже. А вы чем занимаетесь?

– Преподаю иностранные языки.

– Нравится?

– Вы мне нравитесь больше.

– Перестаньте подкармливать меня комплиментами. Это мешает быть честной.

– А зачем тебе быть со мной откровенной?

– Затем, что я вас совсем не знаю. Лжи и без того хватает, – взгляд её снова опустился вниз.

– И как тебе она?

– Как вредная вкусная пища, перед которой невозможно устоять. Давайте лучше вернёмся к вам, в смысле поговорим о вас.

– Давайте! Только скажите мне, мы на «вы» или уже на «ты».

– Так вы хотели быть кем-то другим?

– Да, я хотел заниматься наукой. Быть светилом.

– Мне кажется, вы могли бы быть солнцем.

– Был бы солнцем, но вставать в такую рань...

– Я тоже не люблю рано вставать. А о чём мечтаете?

– О чём может мечтать препод? О повышении зарплаты.

– Зачем вам столько денег?

– Чтобы сорить.

– Мусора и так достаточно, – достала она из сумочки телефон и посмотрела на время.

– А ваши мечты? – спросил я её уже у самого входа в метро. – Сбываются?

– Сбыт не наложен. Вот мы и пришли. Приятно было познакомиться.

– Так я вам позвоню насчёт кофе.

– Да, конечно! Лучше в конце недели.

Мы обменялись номерами, потом она улыбнулась очаровательно и исчезла.

M

- Что будем пить? – спросил я, уже покидав в корзинку ветчину, сыр и другую мелочь.
- Может, Мартини возьмём?
- Детка, мне кажется, на Мартини у нас не хватит, деньги забыл в других штанах.
- Перестань называть меня деткой. А стащить слабо?
- Никогда не пробовал.
- Если не считать моего сердца, – Майя посмотрела на меня преданно.
- Извини, купить его было бы для тебя оскорбительно, – взял я бутылку красного Мартини с полки. – А если нас сцепают? У тебя оружие есть? – сделал серьёзное лицо.
- Только моё обаяние, – стала ещё серьёзнее Майя.
- Чёрт, опять будут трупы, – я сунул бутылку за пазуху. – Ты безумная.
- Безумие – это моя форма существования.
- Скоро мы подошли к кассе, едва сдерживаясь от смеха.
- Чёрт, что мы делаем? – произнёс тихо, когда кассирша включила свою фонограмму:
- Карта есть? Пакет нужен?

Кэт

Я лежал на берегу. Было душно. Тёплое море омывало ноги. Волны приятно щекотали ступни, то накатываясь, то отступая, оставляя за собой прохладу прикосновений. Неожиданно мои ноги окутала огромная медуза, склизкая и противная. Они пытались от неё избавиться, но тщетно.

Я проснулся и увидел, что их лижет здоровенный док. Полчища мурашек побежали от ног к моей голове, будто их войска сдали позиции и бросились со страха в отступление. Катрин в постели не было. Я попробовал втянуть одну ногу под одеяло. Док недовольно зарычал. Рисковать ногами не хотелось, оставалось ждать. Прошло какое-то время, ноги даже начали понемногу привыкать к ласкам, когда, наконец, ему надоело, он широко зевнул и растянулся в двух метрах от кровати. Я сразу же спрятал влажные ступни под одеяло.

Спать уже расхотелось. Понятия не имел, куда могла деться Катрин. Док лениво наблюдал за мной, разлив свою огромную морду по полу. Мне дико хотелось отлить. Когда я начал медленно подниматься, пёс навострил уши и дал предупредительный, пролаяв три раза. Пришлось снова замереть. Ожидание Катрин было мучительно, совсем не то, что ожидание её на свидании: там, по крайней мере, можно уйти. Не знаю, сколько прошло времени, как мне показалось, целая эпоха, когда собака вскочила и радостно побежала к входной двери.

– Куда ты ходила в такую рань?

– За завтраком. Любишь булочки с корицей? – протянула она мне на мгновение серый бумажный пакет. Запах свежего хлеба растрогал моё сердце. Потрепав своего добра, Катрин поцеловала его в морду.

– Меня бы хоть раз так же крепко поцеловала.

– Тебя-то за что?

– А собаку?

– Она же животное.

– Думаешь, во мне этого мало?

– Ты чего такой хмурый с утра? – присела ко мне на постель Катрин.

– Твоя тварь чуть ногами моими не позавтракала. Просыпаюсь, а она мне ноги слюнявит.

– Понравилось?

- Ты у неё спроси.
- А тебе?
- Я в туалет хочу.
- Испугался? Да он с виду только такой грозный. Не бойся, иди, я кофе сварю пока.

A

Секс был без правил. Едва мы зашли в мастерскую, я скинул сумку, прижал к себе Алису, выедая её шею поцелуями. Под моим напором она прижалась к столику с красками, потом вовсе села на него. Я распахнул её фиолетовую блузку и провёл рукой по груди. Предчувствие любви пробежало дрожью по её коже. Ничто так не возбуждает женщину, как предчувствие любви.

Некоторые тюбики были открыты. Красный, жёлтый, белый. Скоро её короткая чёрная юбка стала похожа расцветкой на павлово-посадский платок. Я попытался развернуть Алису, но она заартчилась:

- Нужна я тебе падшая?
- Нет.
- Вот и не ставь меня в неудобное положение.
- Почему падшая? – продолжал я есть её грудь.
- Потому что мне кажется, что этот стол не выдержит такого накала, и я рухну вместе с ним.

Я не стал настаивать. Задрал юбку, под которой только стринги, тонкая полоска ткани. Отодвинул её, чтобы открыть калитку в лагуну, скинул с себя шорты и вошёл. Там было жарко. Страсть металась в тёмной неге влагалища. Алиса была похожа на изголодавшуюся волчицу, алчную и свирепую, которую не кормили сексом бог знает сколько. Я грыз её своим членом, будто хотел пройти сквозь тело и найти там, ни много ни мало, счастье.

Затем я оторвал её тонкое тело от стола, придерживая снизу за ягодицы. Алиса обхватила своими ногами мои бёдра. Мы покружились по комнате несколько мгновений, пока не рухнули на диван. Там я намазал её железной рукой на постель и начал медленно есть.

- Я не думала раньше, что это может быть так приятно, – кричала мне с седьмого неба Алиса. – Что ты себе позволяешь?
- Я тебя кушаю.
- Это и есть любовь?
- Не знаю.
- Могу сказать откровенно одно, у меня диета. Я не ем что попало.

* * *

- Какой твой любимый праздник? – спросила Алиса, придя в себя через несколько минут.
- Новый год, точнее, его приближение.
- А я больше люблю День рождения.
- Почему не Новый год?
- Темно, холодно. Все чего-то ждут, ты тоже ждёшь. И когда шаришь под ёлкой, а там пусто, особенно сильно понимаешь, что ты не подарок.
- Тебя что, родители не любили? – укрыл я её простыней.
- Не любили.
- Почему?
- Они любили друг друга.

— Тебе сколько лет?

— Двадцать один.

— Чёрт, у меня такое впечатление, что я сплю с ребёнком.

— У нашей любви большая разница в возрасте, но не вздумай меня удочерять. У тебя было много женщин? — спрятала она своё лицо под простыню.

— Достаточно. А у тебя мужчин?

— Было, но настоящий всегда один.

— Это сильно.

— Да, но только чем сильнее я становлюсь, тем больше хочется быть слабой.

— Знаешь, детка, в тебе есть что-то кремовое, ты разглаживаешь морщины моей закоштенелой души. Зачем ворошить прошлое, когда можно уложить настоящее, — обнял я её и нырнул своими в девичьи пухлые губы.

M

Все знакомства ведут в постель, если идти до конца. Можно целовать от щиколоток до век, можно покусывать интимно и скромно, можно дико стонать и кричать, можно по дому прекрасными голыми ходить и быть почти что счастливым, всё это можно, пока не разлюбишь. Расставаться всегда трудно, особенно когда уже приучил.

Я договорился встретиться с Майей в одном из кафе рядом с университетом и пришёл намного раньше. В кафе почти никого не было, видимо, час обеда уже миновал. Только одна женщина лет тридцати за соседним столиком. Довольно близко, я даже чувствовал её присутствие, оно показалось мне великолепным. Из чего же сделаны женщины, рождённые так притягивать и способные так отталкивать?

Я видел, как на её столе появилось горячее мясо ягнёнка, в зелёных листьях салата. Запах жареного мяса заставил незнакомку облизнуться. Холодная сталь блеснула пальцами вилки и опасным ребром ножа в её длинных руках. Она взяла соль, посолила. Потом добавила перца. Масло, а сверху горчицу постелила на ароматный хлеб. Откусила, закрыв от удовольствия глаза. Потом взяла с тарелки и прикусила веточку терпкого базилика. Соусом нежным нарисовала что-то на плоти. Как будто чьё-то короткое имя. Отрезала небольшую часть и заправила в губы. Стеклянный глоток белого. Бог мой, из чего же она была создана, вылитая из эфира?

Вытерла губы салфеткой, посмотрела на меня. По взгляду я понял, что не был тем десертом, который она ждала. Ей принесли пирожное и кофе. Проверяя сочность запечённого яблока и глубину корицы, она разговаривала с хрупким фарфором, пока тому было что излить. Кофе парило в её руках.

Салфетке последние поцелуи. Затем я услышал, как она позвонила сыну. Разговор был короткий. Потом с подругой побежала по личному и по магазинам. Рассчиталась, накрасила губы. Всё равно чего-то ей не хватало. Она окунула взглядом покинутое ею место.

Я знал, чего не хватало, да и она тоже знала, только не подавала виду. Не хватало мужчины. Трудно быть женщиной, если рядом недостаток мужчины. Когда она встала, мне захотелось накинуть изящно на неё драп, на котором цвели яркие бутоны. Но в этот момент в кафе вошла Майя. Начался второй акт пьесы, с которого хотелось сразу уйти из театра. Потому что драмы я не любил, а в этой предстояло сыграть одну из главных ролей.

Мы говорили долго, пили чай и даже целовались. Я понимал, что поцелуи эти были прощальные.

* * *

- Не любите вы меня.
- С чего ты взяла?
- Нет, не я. Это вы меня взяли, а теперь не любите.
- Перестань, Майя. И почему на «вы»?
- Мне так легче.
- Ты плачешь? – попытался я её привлечь к себе, но она отодвинулась.
- Нет, это у меня на тебя аллергия. Есть вещи, которые невозможно простить, – взяла салфетку со стола и смахнула слезу.
- Например?
- Твоё присутствие.
- А если я тебе скажу, что я женат?
- Мне это уже до лампочки. Кому-то приходится лгать, чтобы понравиться, кому-то достаточно сказать правду, чтобы влезть в сердце и там поселиться. Очень часто мужчины не любят женщин только за то, что те принадлежат другим, но я-то всё ещё принадлежу тебе. Мысли туда-сюда, туда-сюда. Все мозги в пыли.
- Расставание – всегда рана, – закурил я уже вторую сигарету.
- Я же люблю тебя, – взяла она другую салфетку и громко высыпалась. – Только обещай мне никому не говорить, как я тебя люблю.
- Не волнуйся: «как» их обычно не интересует, людей больше волнует «за что».
- Ты, конечно, можешь издеваться надо мной, но над моими чувствами не смей. Не смейся.
- Извини, я ведь тоже когда-то любил.
- Как ты можешь утверждать, что любил, если это была не я. Ты не понимаешь.
- Зачем мне тебя понимать, когда я могу чувствовать, – затянулся я глубоко и ткнул сигаретой в пепельницу, сломав ей позвоночник. Та всё ещё жарко тлела и требовала поцелуев. Скоро тихая струйка дыма, словно дух, который покинул тело, растворилась в воздухе под тёплый скрежет Армстронга.

К

Заседание кафедры уже началось, когда к залу юбок я прибавил ещё свои джинсы. На соискание учёной степени выступала молодая девушка, которую я видел впервые. Похоже, она была из другого университета. Доклад был по обыкновению скучен. Мне показалось кощунственным, что молодая женщина, награждённая такой красотой, втягивает мир в уныние. Словам и жестам не хватало эротики. Мне захотелось исправить эту ошибку, и я начал мысленно её раздевать, затем подключил и остальных. Однако скоро раздевать их и копаться в чужом белье надоело, тогда женщины начали раздеваться сами. Оставалось только приглушить слова, поставить нежную музыку и разлить нужное вино. Сквозь полусухое я тихо наблюдал, как они стягивали свой стыд, свою скромность, под которой пряталась настоящая красота. Ночью это занимало гораздо меньше времени, чем сейчас. Оно тянулось, слова из розовых губ аспирантки не кончались, как бы я их ни игнорировал.

Вначале было слово, потом три, в конце предложение, которое мужчина должен сделать женщине. Но стоит ли торопиться? Женщины не кончались, они текли рекой, стоило тебе только открыть свой краиник. Это и было самым главным чудом настоящего мира. Что делать без них? Скука. Они продолжали раздеваться. Одни это делали быстро, другие слишком медленно, кто-то ложился, не раздеваясь, а тем, кому не стоило вовсе, вдруг начали

наседать на мою фантазию так назойливо, что стало душно, и я вышел из аудитории. Закрыл за собою дверь, достал из кармана пачку сигарет и двинулся через коридор далее вниз по лестнице к свежему воздуху.

На крылечке стояла молодая девушка, видимо, тоже аспирантка. Она с холодной страстью целовалась с сигаретой. Мы поздоровались. Я тоже достал свою и затянулся.

- Вместо того чтобы друг с другом, целуем какую-то гадость, – начал я. – У вас что?
- Bond, – сухо ответила она.
- Любите сильных и мужественных?
- Кто же их не любит. А вашу как зовут?
- Next.
- И кто же будет следующей?
- Вы.

Не найдя что ответить, она затянулась. Я посмотрел в её красивые миндалевидные глаза, те прикрывались длинными ресницами от весеннего солнца. Мой взгляд упал ниже. На лёгкую открытую кофточку, под которой сегодня отдыхала от лифчика спелая грудь: она-то знала, что лучший бюстгальтер – это мужские ладони. Бёдра обнимала короткая кремовая юбка, стройные ноги венчали розовые туфли, цвета её помады.

- То есть я вам нравлюсь?
- Да, но это вряд ли мне поможет. Вижу, вы поссорились с кем-то, теперь вот мстите.
- Откуда вы знаете?
- Помада пылает, очень мало одежды. В общем, блестящие выглядите.
- Отомстить действительно хочется.
- Причём сразу всему миру своим внешним видом.
- Чем лучше выглядит женщина, тем больше упала, – в первый раз улыбнулась мне незнакомка.

- Не хотите выпить кофе, правда, у меня там кафедра идёт.
- Я не против, – бросила окурок в урну девушка.

Мы зашли в университетское кафе. Вид у него был нищий и пришибленный, но кофе здесь варили хороший. Я оплатил, и мы сели за столик.

- Как вас зовут?
- Алекс.
- А вас?
- Next, – грустно пошутила она. – Кэтрин.

Я поднялся и принёс две чашки крепкого кофе, который к тому времени уже ждал нас на стойке, и шоколад. Мы пригубили, всё ещё разглядывая друг друга. Прошло несколько минут.

- Вы всегда так молчаливы? – вернул я чашку на стол.
- С хорошими людьми всегда есть о чём помолчать.
- Откуда вы знаете, что я хороший?
- Вас глаза выдают, синие-синие, как небо в ясную погоду. Вы тоже любите помолчать?
- Иногда мысли настолько хороши, что не хочется ими делиться. Хотя у вас, по-моему, не очень хорошие. По крайней мере, сейчас, – окунул я осторожно свои глаза в глаза Кэтрин.
- Читаете?
- Ага.
- Так что там написано?
- Вы хотите кого-то убить. Вас кто-то обидел?
- Меня огорчили.
- Бывает. Видите муху? – указал я на край стола, на котором сидело перепончатокрылое.

- Ну.
- Убейте её, полегчает, я в этом уверен.
- Она слишком красива.
- Пока вы думали, их уже стало двое.
- И они занялись любовью.
- Придётся убить двоих.
- Вы всё ещё говорите про мух?
- А вы всё ещё про измену?
- Вот вы могли бы изменить? – подняла она на меня ресницы.
- Я? Легко, – сделал я ещё один большой глоток.
- Даже если вас сильно будут любить?
- Это как раз и спровоцирует, – выдавил из фарфора последние капли.
- Даже если вы знаете, что причините кому-то нестерпимую боль? – вылила Кэтрин осадок своего кофе на блюдце. Он образовал коричневую лужицу в форме покусанного сердца.
- Раздеваясь, об этом никто не думает, – взял я салфетку и вытер свои губы.
- Если бы вы знали, сколько красивых слов стояло за этим.
- Часто люди готовы начать говорить о любви, только для того чтобы кончить.
- Отчего же так происходит, неуклюже и примитивно? – мяла девушка в руках салфетку.
- Измена – обратная сторона любви. Нет ни повода, ни причины. Люди изменяют, потому что хотят измениться сами. Но в результате меняется только отношение к ним.
- Измена – это то, что никогда не могло прийти в голову и пришло сразу в сердце.
- Неужели не было никакого предчувствия? Хотя предчувствие должно больше относиться к любви.
- Я вроде как любила его, и он меня, но всё время какие-то сомнения покусывали, знаете?
- Нет, детка, если сомневаешься, то это уже не любовь, а так… дружба с интимом, – начал я уже скучать, теребя пакетик с сахаром.
- Ну в итоге и получилось, – вздохнула она. – Наверное, ещё долго буду вспоминать.
- Зачем? Думайте о чём-нибудь приятном, Кэт.
- Я и так о нём постоянно думаю.
- Я имею в виду секс.
- Я тоже.

M

В мастерской накопилось пустых бутылок и другого бытового мусора. Было очень сложно сделать сегодня хотя бы что-то, хотя бы выкинуть мусор. Всё-таки мне это удалось: я собрал их в пакет и вышел во двор. В помойке, как всегда, навалено всякого щедро. Закинув в контейнер мешок, уверенно зашагал к арке и скоро уже был на улице. Рядом находился небольшой парк, в котором я хотел прогуляться и подышать воздухом. Деревья стояли голые, но неинтересные. Из-за одного из них вышла бабушка, на четырёх ногах, в зелёном комбинезоне. «Зелёные человечки на четвереньках, это уже слишком». Она мне показалась знакомой.

«Здравствуйте», – на всякий случай кивнул я ей головой. Бабушка не ответила и спряталась за другую, которая возникла неожиданно рядом, тоже в зелёном, но уже на двух ногах. Старуха выгуливала свою собаку: большую, унылую, старомодную. Что-то печальное подавало в одиноких одетых псинах. Однако грусти хватало без этого. Я отвернулся и пошёл

далше. Словно низколетящие ласточки, меня обогнали лыжники. Захотелось отнять у них палки и тоже заняться спортом. Возможно, завтра я так и сделаю или в следующем сезоне. Возможно.

Впереди я видел, как мальчик кидал хлеб птицам. Когда пища закончилась, те насытились и улетели, ребёнок заплакал. Меня осенило: вот он, я нашёл его, смысл своей распоясанной жизни: поел, нагадил, лишь бы было кому оплакивать перелёты моей души.

Неожиданно мысли остановил судорожный лай белой болонки, сбежавшей от хозяйки. Девушка кричала ей вслед:

– Герда, Герда, стоять!

Та летела мимо меня, а за ней, позывая, длинный поводок. Я ловко наступил на шнур, прижав его ботинком к весеннему снегу. Какое-то время тот ещё скользил, пока не зацепился концом за мою подошву и не замер. Собачка рухнула как подстреленная. Полежала пару секунд, потом вскочила и вновь залаяла. Ещё через несколько секунд подбежала хозяйка и выдохнула:

– Спасибо!

– Не за что!

Я подождал, пока она отышалась, и протянул ей поводок. Она взяла его и начала ругать собаку, потом подхватила её на руки, поцеловала в нос, подняла в воздух, как обычно поднимают маленьких детей. Опустила и поцеловала ещё раз.

– Вы любите животных? – спросила я девушку, как только она угомонилась.

– Да, люблю.

– Значит, я вам понравлюсь.

– Вы слишком самоуверенны.

– Разве это плохо?

– Самоуверенность делает людей поверхностными.

– А вам нравится, когда сразу в душу?

– Нет, конечно. Ведь люди встречаются разные: иные заглядывают в душу, как за угол, где хотят по-быстрому справить свою нужду.

– А что уже справили?

– Вам это действительно интересно?

– Безумно.

– Пытался один, до сих пор в себя прихожу.

– Время вылечит.

– Знаю, но не могу себе этого позволить.

– Почему?

– Время для меня слишком дорого.

– Торопитесь?

– Есть немного.

– Жить?

– Нет, быть счастливой.

Некоторое время мы шли рядом молча, как молодая парочка, которая вместо ребёнка завела собачку и вышла с ней погулять.

– Алекс, – решил я начать всё с начала.

– Майя.

– Очень приятно. Вы здесь гуляете?

– Да, два раза в день с собакой. А можно на «ты»?

– Без проблем.

– А ты здесь живёшь?

– Да, точнее мой друг-художник. Он оставил мне мастерскую, я приглядываю за ней.

– Ты тоже художник?
– Нет, я пока нет.
– Одному не скучно?
– Нет, люблю одиночество. Есть время подумать спокойно.
– О чём думаешь сегодня?
– Как обычно, как жить дальше.
– Мне кажется, важнее – с кем, – она отстегнула Герду от поводка, и та поспешила воспользоваться свободой.

– И с кем важнее?
– Если бы я знала.
– Любовь не греет.
– Греют батареи, – улыбнулась она.

– Можно и с батареей, но с ней же не поговорить.

Майя промолчала, отвлекшись на Герду, которая уже держала нос к дому. Девушка посадила собачку на поводок, и та послушно двинулась рядом.

– Кстати, ты не замёрзла? Как-то легко одета для весенних прогулок, – посмотрел я снова на её стройные ноги, втиснутые в белые капроновые колготки, лёгкую красную курточку с короткими рукавами, под которой сидела тонкая голубая водолазка.

– Любовь – пятое время года: никогда не знаешь, что надеть и придётся ли раздеваться, – посмотрела на меня Майя взглядом, будто бы я уже пять лет обещал на ней жениться.

К

– Привет! Как ты?
– Нормально.
– Чемоданы упаковал?
– Да вещей, как всегда, набралось.
– Ты во сколько будешь?
– Минут через тридцать.
– Хорошо, жду!

Через полчаса я зашёл в знакомый подъезд. Поднялся. Зная, что теперь он мне пригодится, в колодец плевать не стал. Клим открыл дверь.

– Привет! Как ты?
– Всё хорошо! Как сам?

Мы крепко обнялись, будто не виделись сотню-другую лет, и прошли вовнутрь. Нас встретил одинокий мольберт, которого только что бросила последняя из картин. Никто не мог утешить его в этом горе, разве что очередная холстина.

– Чай?
– С удовольствием, когда я от чая отказывался? – усадил своё тело на диван.
– Никогда.
– Вот именно. Ты завтра во сколько уезжаешь?
– Самолёт в восемь утра.
– Проводить?
– Да не, не люблю.
– Хорошо тебе. Я тоже когда-то не любил.
– А теперь? – разливал чай по чашкам Клим.
– Другая.

- Не нравится, что вы больны, мне нравится, когда здоровы, – сделал он ремикс на известную строку. – Хотя с твоим гаремом это нормально.
- Ты не понял, сплю с одной, а люблю другую.
- У меня нет такой силы воли. Спать без любви – последнее дело.
- Последнее дело – без любви просыпаться, – взял я из вазочки засохшее печенье, закусил и вспомнил дога в доме Катрин.
- Ты картины с собой берёшь? – спросил Клима.
- Со своими дровами в лес?
- Ну, если Париж считать лесом. Не боишься здесь оставлять свои шедевры?
- Мои шедевры всегда со мной, – прикоснулся он указательным пальцем к своему широкому лбу и протянул мне ключ. – Чем богаче воображение, тем сложнее его ограбить.

A

Вечером я зашёл к себе на почту. Было несколько спамов и одно письмо от Алисы, очень эмоциональное:

Привет, Алекс.

Мне трудно, я даже не знаю, с чего начать, но попробую... Запуталась в себе, потеряла цель, не знаю, для чего жить. Спасает музыка: капает где-то вода, это любимый альбом. Зарываюсь в себя, прежнюю, на великое никак не решиться, мелкое собралось в морщины. Не хватает чего-то светлого, тёплого, чьей-то поддержки. Хочется выплыть слезу, а она застряла внутри одной большой каплей. Застыла. Плачет уже четвёртая песня альбома в фарфоровое ухо раковины. Туда как всегда и высажусь: мне мало мира. Однако не хочется выходить из дома, за дверью ещё более тесно, там стоит он, тот, которого я так сильно любила. Боюсь жить и теряюсь в себе, путаюсь!

Я постоянно путаюсь... столько хочется сделать, но подавляют эмоции, сбивая меня с пути. Я стала злая и грубая, настоящая только в раковине. Там и прячусь, иначе сойду с ума. Я слушаю, как капает на фарфор вода, а меня слышать некому. Разве что только тебе.

Извини, если не вовремя.

Алиса.

Я не знал, что делать с чужой болью, которая требовала очередной дозы утешения. Хотелось как-то взбодрить, ответил коротко:

«Никогда не думай о себе плохо! Ты лишишь пищи остальных. Позвоню тебе завтра».

* * *

Утром я позвонил:

- Привет, Алиса!
- Привет!
- Как прошли твои танцы?
- Всё отлично. Танцы и музыка – вот что спасает меня от тоски.
- Значит, всё не так уж плохо. А то у меня до сих пор муршки от твоего вчерашнего письма.
- Извини, наболело.
- Чем занимаешься?
- Лакирую свою привлекательность.
- В красный?
- Откуда ты знаешь? – удивилась она в трубку.

– Хочешь, ещё расскажу!

– Жажду!

– Губы покрыла красным, чтобы закрасить места поцелуев. Навела тени, загладила кремом усталость воспоминаний.

– Кошмар, ты за мной следишь?

– Потом подвела глаза, чтобы те тебя никогда больше не подводили. Тушью стёрла с ресниц пыль разочарований. Расчёской поправила волосы, разглаживая фибрь души. Сомнения рассеяла окончательно духами. Улыбнулась, оставив уныние зеркалу, и собралась выйти на улицу к новым цветам и поклонникам.

– Bay, да ты волшебник! Не хочешь стать моим поклонником?

– У меня цветов нет. Да я и старше тебя и не такой красивый.

– Не напрашивайся на комплимент. Со мной тебе совсем не обязательно быть красивым, со мной тебе достаточно просто быть. Правда, я про тебя совсем ничего не знаю. Может расскажешь что-нибудь?

– Это долго.

– Хотя бы чуть-чуть.

– Ладно, – стоял я посреди комнаты в одних трусах. – Слушай. Жил-был человек, – подошёл к зеркалу и начал кривляться с трубкой в руке. – Квартира его была настолько маленькой, что он жил в кровати, кухня его была настолько крохотной, что он завтракал в холодильнике, в душе ему было так скучно, что он лез в чужие. Ты ещё не уснула? – спросил я Алису.

– Нет, очень интересно, продолжай.

– Взгляд его был настолько недальновидный, что он опирался на чужие точки зрения. Мозг его был настолько крошечный, что он пользовался чужим мнением, настроение его портилось так быстро, что он хранил его в морозилке…

– Ты чего замолчал?

– Я думаю. Как бы он ни пытался научить говорить своё имя, оно не говорило ни о чём. Как бы он ни представлял, он не представлял собой ничего. Он был настолько одинок, – посмотрел я на себя в профиль, – что не воспринимал людей, он был настолько несдержан, что всё время держался за телефон, чтобы не натворить. Мир его был настолько внутренним, что остальное время он проводил в виртуальном. Жизнь его была настолько логична, что он чувствовал себя встроенной деталью. Жила-была деталь, которая не знала, как ей стать человеком.

– Это же про меня, – через несколько секунд молчания произнесла Алиса. – У меня никогда не получалось жить ради всех. Поэтому я жила ради одного человека.

– Ради себя?

– Ради него.

– Это не скучно?

– Это больно.

– Ты что, не любишь людей? – поменял я руку и ухо, потому что не было навыков так долго висеть на телефоне.

– Дело не в том, что я не люблю людей. Просто мне достаточно одного.

M

Отпустил студентов пораньше и решил выпить чаю на кафедре. В помещении никого не было, кроме молчаливой мебели. Включил электрический чайник. И пока вода закипала, зашёл к себе на почту. Было одно письмо от Майи:

Я позвоню однажды, плюнув молчанием в трубку, так, что голос твой, мягкий, его не перекричит. Ты поймёшь по мелодии тишины и дыхания, что я скучаю... день, два, на третий я становлюсь безумной. Безумным достаточно слышать чьё-то: «Алло, кто это?» Может быть, в день, когда тебе будет чудовищно плохо, осмелюсь сказать: «Это я, хочу быть рядом, завёрнутая в твои объятия, опьянённая ночью, готовая танцевать в утренних лучах занавесок».

Хочется заснуть у тебя на груди, чтобы ты думал обо мне своим сердцем. Порой мне кажется, что твои пальцы, глаза, кожа для меня важнее своих. И когда я жду долго, а тебя всё нет, начинает мерещиться, что нет меня, а не тебя. Жаль, что жить нам приходится раздельно: ты в моём сердце, я – в твоём.

И последнее. Я понимаю, если бы ты хотел меня увидеть, то не снится бы так часто. Позвони мне, когда я приснюсь тебе.

Твоя Майя

Майя мне не снилась, но я не стал затягивать с ответом:

Я понимаю, что тебе некогда, потому что ты любишь меня, но хочу, чтобы ты себя любила тоже... и гораздо крепче.

* * *

– Ну и что здесь общего со мной? – говорила она мне в трубку, а я представлял её удивлённые серые зрачки.

– Ты должна догадаться сама.

– Что значит эти три полосы? Серая, голубая и розовая.

– Хорошо, я тебе помогу. Прислони холст к стене и встань рядом.

– Ну, встала. И что?

– Первая линия связана с твоей головой. Что есть серого в этой части?

– Мозг.

– Ну, кроме.

– Глаза.

– Хорошо! Теперь третий, расстегни свою кофточку.

– Что за детский сад?

– Какого цвета у тебя бельё?

– Я поняла. Но сегодня на мне белое. А что же тогда означает голубая полоса посередине?

– Это твой внутренний мир.

– Концептуальненько. Повешу у себя в спальне, если ты не против.

К

Я завернул аккуратно холст, окинул взглядом мастерскую и уже собирался выходить, когда позвонил Клим.

– Бонжур, Алекс!

– Салют, Клим! Какими судьбами?

– Вот соскучился, решил тебе позвонить.

– Да ладно тебе. Я думал, художники не умеют скучать.

– А что, они не люди?

– Нет, не люди. Они для этого слишком гуманны.

– Ты прав, трудно быть человечным среди людей. Я хотел тебе приглашение отправить на свою выставку. Подумал, вдруг ты захочешь Париж посмотреть и меня заодно?

– Спасибо, дружище! Я с удовольствием, если карта ляжет. А когда выставка?

– Через месяц. Думаю, достаточно времени для тебя, чтобы собраться с мыслями.

Хотел твой адрес узнать и почтой отправить приглашение.

– Прямо так всё официально.

– Вдруг забудешь.

– Память мне изменяет, конечно, но не с тобой. Хорошо, записывай…

Я продиктовал ему свой адрес и добавил:

– Алексаеву Максиму Леонидовичу…

– Имя я ещё помню, Алекс. Как там твоя любовь?

– Натоптала и ушла.

– А тебе теперь мыть?

– Уже прибрался.

– Радуйся! Будь она настоящей любовью, не уходила бы.

– Ты знаком с настоящей?

– Конечно, я с ней живу. Жена недавно приехала, правда, ненадолго.

– Так что же это такое, настоящая любовь?

– Это такие очки, которые позволяют видеть только одну.

– Только видеть?

– Как повезёт.

– Вот почему я выбрал контактные линзы.

– Контакты тебя погубят или состарят, сожрут всё твоё нутро, твою сущность. Так что будь начеку. Для того чтобы влюбиться по-настоящему, надо разучиться влюбляться.

– А разве настоящая любовь не может быть короткой?

– Исключено, настоящая любовь всегда норовит затянуться, покурит, а потом не знает, как бросить. Твои отношения мне больше напоминают влюблённость.

– Ты прямо как доктор, диагноз поставил. Хорошо, пусть будет влюблённость, но именно она помогает мне переживать потери. Такие, как последняя. Я придерживаюсь принципа: если не можешь пережить, попробуй переспать.

– Значит, снова в поиске? – задумчиво произнёс в трубку Клим.

– В периоде реабилитации. Трудно найти любовь, особенно если не верится, что потерял.

– Хорошо хоть не в реанимации. Я до сих пор не могу понять: ты сам хочешь стать счастливым или осчастливить кого-то?

– Ну, сам, конечно, сам.

– Что-то не очень у тебя это получается. Может, следует пойти от обратного и вернуться к той, что забросил?

– Ладно, я подумаю над твоим предложением. Да и хватит уже об этом. Невелика беда. Ты лучше расскажи, как сам, как Париж?

– У нас с Парижем всё хорошо! Башня как стояла, так и стоит. Подробнее расскажу при встрече. Ты давай приезжай, сам посмотришь! В мастерской всё нормально?

– Всё отлично. Холсты твои уже исписал.

– Ты серьёзно? – принял он эти слова как шутку.

– Да, я долго приглядывался к ним. Похоже, созрел для большого искусства, – улыбнулся я в трубку. – Клим, я тоже хочу быть художником. Тоже хочу в Париж.

– Всем нельзя… художниками, – засмеялся мне в ответ Клим. – Кто-то должен оставаться на Родине… позировать.

Где валяются поцелуи

Он зашёл в тёмную проходную двора, задумчивый и рассеянный, когда неожиданно перед ним возникла фигура и объявила женским голосом:

– Деньги давай!

– Сколько? – спросил безразлично, заметив в руках девушки ствол.

– А давайте всё.

– На! – вырвал он театрально, словно сердце, бумажник из-за пазухи.

– Что же вы так без сожаления сорите деньгами? – взяла незнакомка кошелёк, вытащила купюры и, бросив ему в ноги опустевший кожаный чехол, зачем-то пересчитала деньги.

– Скучно, – поднял он портмоне и сунул его обратно к сердцу.

– Так вы, наверное, только с хорошими людьми общаетесь?

– Пожалуй, если не считать вас.

– Вот и мне скучно.

– Так вы, наверное, никого не любите?

– Даже не знаю, что ответить. Выровняло всю любовь, как катком, плоская она стала что ли, – поёжилась от холода девушка и втянула свою длинную шею в плечи.

– Замёрзли совсем?

– Конечно, полчаса вас ждала в этом закоулке.

– Почему выбрали именно этот, здесь же довольно светло? Хотя могли бы шмыльнуть по фонарю, чтобы запустить сюда мрак.

– Именно поэтому, – снова поёжилась она.

– Чую не хотите выпить? Я живу в этом дворе на седьмом этаже.

– Жаль, что не на седьмом небе...

– С вашей игрушкой это можно исправить.

– Вам не кажется странным, что жертва приглашает преступника на чай? – переступала стройными ножками на высоком каблучке девушка.

– Нельзя же вас отпускать в таком состоянии, вы ведь чёрт знает что можете натворить.

К тому же у вас приятный голос.

– Спасибо, а с чем будет чай? – улыбнулась девушка и убрала пистолет в сумочку.

– С клубничным вареньем.

– Откуда у вас оно?

– Разве я похож на человека, у которого не может быть клубничного варенья?

– Очень похожи. У скучных людей даже с сухарями тяго.

– Почему?

– Потому что они предпочитают есть в одиночестве пирожные в кафе.

– Давайте поспорим!

– Давайте, только чем вы будете платить? Ведь денег у вас уже нет.

– Может, дадите в кредит?

– К сожалению, мой банк только что закрылся. Есть другие предложения?

– Павел, – протянул он руку.

– Руку мне действительно давно никто не предлагал. Фортуна, – сняла она перчатку и в ответ протянула свою ладонь. – Кстати, у меня есть свежий батон. Не смогла удержаться, проходя мимо булочной.

– Тогда сам Бог велел.

– Что велел?

– Даже если вы на краю отчаяния, стоит ли бежать от чая?

– А с чего вы взяли, что я на краю?

– Преступление всегда край. Ну, так мы идём или нет?

– Страшно.

– Чего вам бояться, у вас же пушка!

– Вдруг соблазните меня и изнасилуете.

— Хватит уже мечтать, — едко пошутил Павел. — Ещё раз повторить про пушку? Вон мой подъезд, — указал на серую скалу из кирпича, которая поблескивала стекляшками неспящих окон. В небе спокойно дремала луна, прикрывшись тёмным одеялом случайного облака. Даже свежий весенний воздух не вдохновлял её на подвиги.

— Старый дом, — двинулась она в сторону подъезда, не глядя на попутчика.

— Кто здесь только не жил.

— Что, все умерли? — робко пошутила Фортуна.

— Только великие.

— А вы хотели бы к таковым относиться? — двигалась она медленной лёгкой походкой чуть впереди него.

— Уже нет. Хочется жить, а не относиться.

— А вы что делаете?

— Снимаю.

В этот момент Фортуна остановилась и обернулась.

— Я про квартиру, — затянул неувязочку Павел.

— Так лучше.

Неожиданно навстречу им выбежала какая-то шавка и начала истошно материться.

— Чёрт, бегают тут всякие, — вздрогнула Фортуна.

— Не бойтесь, она не кусается, — отозвался из темноты голос. Хозяин не спеша перебирал ногами вслед за четвероногим другом.

— Я тоже не кусаюсь, но зачем же об этом так орать?

— Она в наморднике, — не услышал её слов владелец собаки.

— Лучше бы ей глушитель надели, — добавила ещё тише Фортуна.

Дом был действительно пожилым и грузным, с лишним весом опыта и недомоганий.

Шершавое мрачное лицо прошлого века, изъеденное окнами, лишний раз напоминало, что по ночам его мучила бессонница. А всякий раз, когда входили люди, он открывал рот, тяжело вздыхая и громко чмокая губами, провожал их в глубь себя, по широким бетонным лестницам, в свой внутренний мир, где теплилась жизнь. Он, как никто другой, знал, что жизнь — это цепь причин и следствий, которую надо постоянно смазывать любовью, чтобы не скрипела от обстоятельств. Гулкие шаги жильцов, как стук сердца, отдавались в его душе. Давление было ни к чёрту: то опускалось, то поднималось, как сейчас. Наконец лифт остановился на седьмом и из него вышли мужчина и женщина.

* * *

— Вы всегда с собой на дело берёте батон? — с интересом разглядывал Павел красивые руки своей неожиданной гостьи, принимая из них хлеб.

Фортуна, гармонично встроенная в кухню Икеи, промолчала. Под ножом у Павла затрещал багет. Полетели крошки. Вместе с хрустом раздался запах свежего хлеба. Звук только усиливал аромат, будто хотел взять на себя его функцию. Павел смотрел на Фортуну, она на него. Они могли так бог знает сколько времени: он не знал, что сказать, и она не знала, что слова уже не имеют значения. Губы её улыбнулись и закусили бутерброд с колбасой, который успел приготовить Павел, потом они приняли фарфор и горячий чай.

— Так что вас толкнуло на дорогу разбоя? — достал он из шкафчика клубничное варенье.

— Как любая женщина я способна на глупости, но это не от недостатка ума, а от переизбытка чувств. Недавно я расчувствовалась так искренне, что чуть не впала в депрессию: оттого что жизнь, которая незаметно проходит, так коротка, а я многое ещё не попробовала, что мир такой большой, но я многое ещё где не была, а свободы оказывается так мало, что я

решила начать с преступления. Захотелось каким-то образом выбраться из каменного бытового мешка.

– Странный способ. Помогло?

– Как видите. Только не надо ехидничать. Не будь я настойчивей, так и просидели бы весь вечер в одиночестве. И не заметили бы меня, не заставь я вас обратить на себя внимание.

– Нет, женщин я всегда замечаю, но это не значит, что я подхожу к ним с просьбой вытряхнуть из меня кошелёк. Хотя если рассуждать фигулярно, часто именно так и бывает, – посмотрел пристально в глаза Фортуна Павел. – Так зачем вам столько свободы?

– Накопилось капризов.

– Например?

– Я давно не была в кино, – с любопытством разглядывала кухню Фортуна.

– Снимем.

– Я давно не была на море.

– Слетаем.

– Я давно не была сама собой… Только сегодня… – добавила Фортуна после небольшой паузы.

– Кажется, теперь понимаю, почему я раньше вас не заметил. – Павел подошёл к окну и занавесил темноту. – Так куда вы хотели бы выбраться?

– Туда, где валяются поцелуи, – выловила осторожно янтарную клубничину в сиропе Фортуна и спрятала за губами. – Обожаю клубнику.

– Я знаю такое место. Более того, я завтра туда лечу. Хотите тоже?

– Я же уже сказала. Там их много? – умыкнула она ещё одну из вазочки.

– Чего?

– Поцелуев.

– Да, полно.

– С вами придётся целоваться?

– Нет, боже упаси.

– Тогда я точно не поеду, – облизнула ложку Фортуна.

– Я хотел сказать, там можно найти губы и повкуснее: Италия – страна любви. Я больше не встречал земли, где так сильно любят женщин. Мне только нужны данные вашего паспорта, чтобы я заказал билет.

– А остальные данные вас не интересуют, – высасывала из клубники сок Фортуна.

– Вы будете жить в отдельном номере, – сделал вид, что не услышал, Павел.

– Я думала, что чудес не бывает.

– Но волшебники слушаются.

– Вы хотели сказать – фокусники?

– Хорошо, пусть будут. Иллюзионисты.

– Спасибо, я уже живу с одним… сплошные иллюзии.

– Чувствую, сегодня нас ожидает вечер откровений, – подлил ещё чаю Павел.

– Я могла бы быть откровенной, но вы же не пьёте.

– Хотите?

– Нет, я пошутила, чая достаточно.

– Так вы замужем?

– Да.

– Мужу будете звонить?

– Он с сыном на рыбалке. Разве я уже дала согласие?

– Разве нет? – нарезал Павел кружочками ещё немного колбасы и засунул себе в рот самый неудачный.

– Что-то во дворе вы не были таким напористым и деньги мне сразу выложили.

- Мне показалось, что мы там были ближе.
- В смысле?
- Вы общались со мною на «ты». Кроме того, у меня есть один недостаток: я не дерусь с женщинами.
- Да уж, достоинством это точно не назовёшь. А что вы с ними делаете?
- Летаю, например, завтра в Венецию снимать кино. На три дня.
- И много их будет, женщин?
- Женщин в кино много не бывает, если только это не кинотеатр.
- Я не очень люблю кино, – продолжала разглядывать кухню Фортуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.